

НУНА Р.

АЛЫЙ ДВОРЕЦ

Нуна Р
Алый дворец

«Автор»

2026

Р Н.

Алый дворец / Н. Р — «Автор», 2026

Империя в страхе. Дворцы заклинателей пали от руки неуловимого убийцы Мо Сюэшоу. Шань Умэй, последняя наследница проклятого рода, получает приказ императора: найти убийцу. Ее путь пересекается с Су Миньинем — блестящим и амбициозным главой нового Дворца, чей настойчивый интерес к Умэй граничит с одержимостью. Вместе они отправляются по кровавому следу, который ведет не только к демону, но и в темные лабиринты собственного прошлого.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. В одеждах алых на сцену герой выходит	8
Глава 2. Песнь юных лет все еще в сердце звучит	14
Глава 3. День солнечный, последний	27
Глава 4. Дорогу идущий осилит	35
Глава 5. Улика первая к новой загадке ведет	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Нуна Р

АЛЫЙ дворец

Никто не возвращается из путешествия таким, каким был раньше.

Пролог

Когда над Сычуанью догорал пожар заката, во Дворце Вэйцзу все уже были мертвы.

Как лепестки цветов здесь в праздники устлали пол, так же и теперь он был покрыт свежими, не остывшими трупами. Еще не потухла зажженная в начале торжества в честь дня рождения хозяина Дворца палочка благовоний¹, а Дворец уже пропитался немой стужей и зловонием смерти.

Молодой стражник Чэнь Яо стоял на коленях у трона Гао Цзу – хозяина Дворца. Чэнь Яо был блее, чем убитые первыми стражи на смотровых вышках, кровь которых уже начала замерзать. Первобытный, неконтролируемый ужас скрутил его внутренности так, что, казалось, его вот-вот вырвет кровью. Как тех, кто, отравленный, распластался за столиками для пиршества. Стражник едва дышал, боясь поднять взгляд на человека в маске демона, стоящего над ним. Черные нечеловеческие глаза пристально наблюдали за ним сквозь прорези синей уродливой маски с гротескной улыбкой.

В парадную залу вошел высокий мужчина в черных одеждах. Солнце протянуло его тень до самого трона. Ветер всколыхнул полы его ханьфу², открыв вымокшие в крови сапоги. Только на этом мужчине не было маски. Его немолодое, изрезанное морщинами лицо с твердой массивной челюстью, неровным угловатым носом и тонкими губами походило на выбитый из камня неумелым скульптором бюст.

Мужчина оценивающе оглядел зал, и черные густые брови скомкали кожу на переносице:

– Вздерните еще вот этого. – приказал он тяжелым, хриплым голосом, с омерзением поддев носком сапога валяющийся у него в ногах заколотый в грудь труп. – Сами не видите? Слева их восемь висит, а справа всего семь.

Двое в черном и демонических масках, неотличимые друг от друга, бросились выполнять приказ. Тогда мужчина обратил внимание на пленника. Сердце Чэнь Яо сделало последний судорожный удар и остановилось.

Мужчина приблизился и с насмешкой взглянул на него сверху вниз.

– Запомнил меня? – спросил мужчина. Чэнь Яо был не в силах смотреть на него и дернул головой. Его грубо схватили за грудки, подняли и встряхнули, заставив посмотреть на лицо, которое будет преследовать его в кошмарах. – Смотри внимательнее и запомни хорошенько! – злые темные глаза уставились прямо ему в душу. – Мое имя – Мо Сюэшоу³, беги и расскажи своему императору обо мне. – болезненная, полная желчи насмешка разрезала его лицо, сделав его еще уродливее. – Не скупись на подробности.

С этими словами он протащил Чэнь Яо до парадных дверей и вышвырнул наружу. Собственными костями страж пересчитал все ступени Дворца и рухнул на каменную площадь едва живым.

Убедившись, что его гонец «спустился», Мо Сюэшоу развернулся к своим подчиненным:

– Проследи, чтобы он добрался до столицы. – бросил он человеку в маске.

Решительным шагом Мо Сюэшоу покинул залу, не оборачиваясь, будто сотворенное было ему отвратительно. За ним из числа черных теней выделилась тонкая женская фигура.

Последние лучи солнца он провожал под чарку сычуаньского вина на просторном балконе Дворца, чьи стены уже впитали в себя кровь и трупный смрад. Услышав тихий шорох платья за спиной, Мо Сюэшоу тяжело вздохнул:

– Здешнее вино отвратительно. И здешнее солнце тоже.

¹ Палочка благовоний горит около получаса

² Традиционная китайская одежда

³ ### – «кровавая рука демона»

– Вино – может быть. «Но солнце везде одинаковое». —спокойно заметила женщина. Голос ее был глубокий, как воды Янцзы.

Мо Сюэшоу покачал головой:

– Ты никогда не видела солнце в Юньнани. Надеюсь, однажды и я смогу увидеть его снова.

Не произнеся ни слова, женщина осторожно обняла его. Мо Сюэшоу уложил подбородок на ее плечо и зажмурился, воскрешая в памяти обрывки воспоминаний о теплом юньнаньском солнце, за которые он отчаянно хватался все прошедшие годы.

Со стороны они выглядели несколько комично: мужчине пришлось согнуться пополам, чтобы уткнуться в чужое плечо, а женщине – задрать руки, чтобы погладить его по спине.

Двое не знали, что вместе с ними в комнате находился еще один человек. Маленький Цзин Си, рожденный вне брака сын служанки, «маленький ублюдок», «звереныш», видевший, как его матери перерезали горло так, что голова чудом не отделилась от тела. Сжавшись в дрожащий, мокрый от холодного пота и слез комок, он сидел в маленьком шкафчике для обуви и обгладывал собственные пальцы, чтобы не закричать. Сквозь щелку приоткрытой дверцы он видел, как вышла из комнаты женщина. И как мужчина стянул с себя сапоги, оказавшись намного ниже. Как он вытащил из-под одежды несколько слоев ткани, которой обмотал свое тело, и тут же уменьшился в размерах и плечах. Черные одежды повисли на нем мешком, открыв бледную кожу груди и тонкой шеи, острые ключицы. Смуглое лицо казалось красным на фоне этой почти мертвенной белизны.

В следующее мгновение мужчина снял с себя собственное лицо, оказавшееся плотной правдоподобной маской, и с презрительной гримасой отбросил в сторону. Цзин Си открылось красивое молодое лицо с мягко очерченными линиями. Даже раскосые глаза журавля изменились, наполнившись теплой, как подогретое вино, печалью.

Цзин Си боялся пошевелиться, но еще больше он боялся, что его пустой желудок заурчит и выдаст его укрытие.

Ночью, когда черные демоны покинули Дворец, он выполз из шкафчика. Цзин Си хотел найти свою мать, но инстинкт выживания тащил его прочь, прочь из Дворца, прочь от невыносимой вони разлагающихся тел.

Пугливо озираясь, он добрался до причала, где на маленьких резных лодочках, украшенных цветными атласными лентами и цветами, любили кататься дочери хозяина Дворца.

Цзин Си забрался в лодку, оттолкнулся веслом от мостика и позволил широкой реке распоряжаться его судьбой.

Глава 1. В одеждах алых на сцену герой выходит

Дворец Гаофэй со дня своего основания был как переходящее знамя. Злой рок сопровождал всех его владельцев, начиная с основателя Дворца, казненного вместе с его семьей за измену императору, и заканчивая всеми, кто владел им после. За особые заслуги перед империей Тянься⁴ очередной талантливый заклинатель⁵ получал этот лакомый кусок, но не проходило и десятка лет, как его голова катилась по земле, разбрызгивая вокруг багровую кровь. Долго Дворец не пустовал – тут же находился другой верный слуга империи, достойный получить в дар самый богатый двор в Сычуани.

Восемь дворов сыхэюань⁶ были обнесены каменной стеной с четырьмя смотровыми башнями. Крытые галереи соединяли между собой тридцать два здания в три яруса – ни один из богатейших горожан Сычуани не мог позволить себе подобный размах.

Пятнадцатого числа четвертого лунного месяца все жители Чэнду стекались к центру города, где на десятки ли⁷ раскинулся Дворец Гаофэй. Душные толпы народа грудились вдоль главной улицы, расчищенной солдатами Дворца. Тысячи лиц, женские, мужские, детские и смятые морщинами, возбужденные, взволнованные, были обращены к роскошным повозкам. Окна их были завешаны тяжелыми парчовыми шторами, мешавшими разглядеть тех, кто сидел внутри. Тысячи голосов бурлили, смешиваясь в единую какофонию, которая своей мощью могла расколоть Небеса.

У самого Дворца пространство в шесть чжан⁸ пустовало: простые люди испытывали необъяснимые трепет и благоговение и не решались приближаться к главным воротам.

Красное дерево, служившее материалом для стен Дворца и его величественных колонн, в ярком свете красных праздничных фонарей полыхало багрянцем. Черепица на крутоизогнутой крыше была чернее ночного неба. Легкий теплый ветер трепал алый шелк занавесок в распахнутых окнах.

Ровная шеренга прислуги в одинаковых пунцовых одеждах, с одинаково собранными волосами, заколотыми нефритовыми шпильками, встречала гостей. С ярко-алых губ не сходили приветственные, раболепные улыбки, превращавшие лица в дьявольские маски с пляшущими на них багровыми тенями. Подобранные по одному росту и телосложению, они сгибались в глубоком поклоне, выпрямлялись на мгновение и кланялись вновь, уже следующей повозке.

У мраморных ступеней, ведущих к возвышающемуся на двухъярусной террасе павильону Великой радости, повозки разворачивались. Слуги отодвигали парчовый полог. Богато одетые главы Дворцов ступали на вымощенную белым камнем площадь парадного двора.

Мужчины, несмотря на жаркую погоду, шуршали тяжелыми многослойными одеждами, подчеркивавшими их статус. Жены в летящих шелках плыли рядом. Их стройные фигуры сверкали золотыми тиарами, нефритовыми подвесками и драгоценными камнями в тяжелых серьгах.

Следом за ярким светом свечей из окон Дворца Гаофэй полилась музыка, что стало сигналом начала торжества. Двое стражников затворили парадные дверные створки. Прислуга,

⁴ ## – «Поднебесная»

⁵ Речь идет о «самосовершенствующихся» – героях китайского фэнтези, занимающихся культивированием боевых искусств и магии для достижения бессмертия и последующего вознесения на Небеса

⁶ Традиционный тип застройки Китая: четыре здания расположены по сторонам света и соединены коридорами и крытыми галереями

⁷ 1 ли равно около 0,5 км

⁸ 1 чжан равен примерно 3,2 м

носящая угощения в зал, проскальзывала в небольшие проемы с восточной и западной сторон павильона.

– И что я высокородным не родился? – прищелкнул языком молодой стражник, принятый на услужение совсем недавно, одновременно со вступлением во владение нового хозяина. – Тоже сейчас жевал бы оленину, рисовым вином запивая.

Его напарник, низкорослый плотный мужчина, похожий на поседевшего кабана, неодобрительно хрюкнул:

– Помалкивай.

Молодой стражник повел плечами. Стоять на месте всю ночь напролет – то еще удовольствие. Особенно когда из павильона тянет жареным мясом и специями. Велика радость – поступить на службу к императору, чтобы его поставили следить за новым хозяином Дворца и писать на него доносы. Где тут место подвигам, которых так жаждет молодая кровь?

Из сетований на судьбу его вырвал холодный безжизненный голос:

– Где я могу найти начальника стражи?

За спиной у него невесть откуда выросла женщина лет двадцати пяти. Она была очень высокая – выше, чем позволено быть женщине – и худая, настолько, что, казалось, тонкие кости вот-вот порвут белую кожу. Кожа эта не имела ничего общего с благородной бледностью девушек и женщин из богатых домов, никогда не трудившихся целыми днями на солнце. Кожа этой женщины походила на покров обескровленного трупа. Ее длинные крючковатые пальцы сплелись на уровне живота в сосредоточенном жесте. Узкие колючие глаза, черные, как бездонная пучина, на хищном лице безжалостно впивались в каждого, кто попадал в их поле зрения.

От ее взгляда молодого стража пробрало холодом до костей. Даже здесь, в жарких южных землях от нее исходил мороз, а кожу, казалось, покрывал иней. И на женщину она походила мало. Совершенно плоская и без явных изгибов, она была одета в черные одежды, больше мужские, чем женские. Тонкие запястья плотно обхватывали кожаные наручи.

Молодой стражник испытал необъяснимое отторжение, и грубо выплюнул:

– Зачем? Он занят, ему некогда...

Сильный тычок под ребра заставил его замолчать.

– Простите, госпожа Шань, господин Дуань вскоре присоединится к празднеству. – с поклоном ответил старший стражник. Он путался в словах и с трудом выговаривал вежливые обращения. Но, удивительное дело, эта ледышка улыбнулась ему почти тепло, а этот старый хряк прямо порозовел рядом с ней.

Кивнув, Шань Умэй вернулась в парадную залу.

Внутри велась оживленная беседа, в смысл которой Умэй не хотела вникать. Придержав одежды, она опустила на колени за свой столик. Одно место рядом с ней пустовало.

Под музыку пип и нефритовых сяо стройные и гибкие, как кипарисы, фигуры танцовщиц в ярких шелках плавно изгибались, и их длинные тени плясали на стенах.

Хозяин Дворца Гаофэй и главный виновник торжества еще не явился. Умэй была наслышана о трех торжествах в честь назначения нового главы, прошедших за последние девять лет. И все они уже были мертвы. На их месте она бы не устраивала такие пышные приемы в честь скорой кончины. Впрочем, каждый новый глава был уверен, что не повторит горькой судьбы предшественника.

Рядом с Умэй опустился широкоплечий мужчина в красных одеждах и сверкающих серебряных лапах. Черный плащ с вышитым на нем алыми нитями орлом трепетал от каждого движения. Командира дворцовой стражи Дуань Цзыханя, а в прошлом – генерала северной заставы Тяньбао⁹, Умэй не привыкла видеть таким. Пусть он был некрасив, но высок и статен. Наряжен в парадные одежды и сверкает, как его новенькие начищенные латы. Глядя на него

⁹ ## – «обнимать небеса»

сейчас, никто бы не подумал, что всего месяц назад этот человек, постаревший на добрый десяток лет, с осунувшимся от усталости и недоедания лицом, заживо гнил на самой опасной заставе Поднебесной. Воистину, император всемогущ. Возвышение и падение каждого человека в Тянься – лишь его воля.

Умэй поклонилась ему. Но даже самый почтительный поклон не способен был выразить всей ее благодарности этому человеку. Генерал Дуань улыбнулся ей, как старому другу, и они вместе осушили по чарке вина.

– Он еще не явился? – спросил генерал Дуань.

– Ждет момента, чтобы поразить всех нас. – отозвалась Умэй, сообразив, что он говорит о новом главе.

– Что ты о нем думаешь?

О человеке можно составить первое впечатление, даже не видя его, и Умэй оглядела зал. Выдрессированные слуги, следующие отрепетированному сценарию. Роскошные декорации. Изысканные угощения и самое дорогое вино, если не во всей Тянься, то в провинции Сычуань уж точно. Подмостки готовы, зрители расслаблены и ждут главного актера и звезду этого вечера.

– Позер. – заключила Умэй. – Любит покрасоваться и пустить пыль в глаза.

Зал был условно разделен на четыре части для глав северных, южных, западных и восточных Дворцов. Между ними всегда пролежала пропасть, но в последние годы влиятельнейшие люди Поднебесной рассорились в пух и прах. Умно было рассадить их.

– Но не глупый. Умеет правильно распорядиться информацией. Скорее всего служил в столице при каком-нибудь чиновнике. Вероятно, интриган и льстец. Крайне амбициозен, что вредно для главы самого мятежного Дворца в Поднебесной.

Дуань Цзыхань одобрительно кивнул:

– Не промахнулась. Его имя – Су Минъинь. Молодой талантливый заклинатель. Выходец из Дворца Цянши. Ушел оттуда и поступил на службу в личную стражу к влиятельному столичному чиновнику Сун. Быстро завоевал доверие всей знати Лояна и прославился, как один из талантливейших героев поколения.

Едва скажешь «Цао-Цао» – Цао-Цао тут как тут.¹⁰ Парадные двери распахнулись, пропуская в залу одетого в алое ханьфу молодого мужчину. Шелк волос ниспадал на элегантно очерченную спину, часть была собрана в пучок золотой коронкой. Золотые орлы на одеждах расправили крылья. Правильные черты лица портила только высокомерная полуулыбка. Он ступал, как хозяин не только Дворца, но и всего, что лежит под Небесами. Он выглядел как человек, рожденный с мыслью, что выше него только Фуси и Нюйва¹¹, во взгляде сквозило снисхождение ко всем ничтожным, собравшимся здесь.

Он появился торжественно и неожиданно, чтобы поразить гостей и не остаться незамеченным. Но в то же время пришел посреди пиршества, когда в общей суматохе его могли и не заметить, изображая из себя скромность. Он величественно прошелся до своего места, кивком головы приветствуя собравшихся. Трон главы Гаофэй располагался на возвышении, но Су Минъинь приказал накрыть ему стол у основания платформы, наравне со всеми.

Он кротко принимал поздравления и подарки, а также восхваления его бесчисленным достоинствам, в притворной робости опустив взгляд.

– А теперь что скажешь? – поинтересовался генерал Дуань.

Умэй поджала губы:

– Он работает на благо империи, этого достаточно.

¹⁰ Аналог «Легок на помине»

¹¹ Божества китайской мифологии

Генерал Дуань закашлялся, прикрывшись кулаком. Но, чем дольше он кашлял, тем отчетливей Умэй замечала, что он просто сдерживает хохот.

– Я сказала что-то не то?

– Ничего, Умэй. Все верно. – сквозь смех проговорил Дуань Цзыхань. – Я знаю тебя уже девять лет. Когда ты не хочешь говорить о ком-то гадости, ты говоришь: «что ж, по крайней мере, он трудится на благо империи».

Умэй смутилась. Она размышляла над ответом, когда поймала на себе долгий, пристальный взгляд Су Миньиня. Она плохо читала людей, и не могла точно сказать, что это был за взгляд. В нем не было ни высокомерия, ни превосходства. Но что тогда – удивление? Грусть? Страх? Возможно, все и сразу.

Умэй не стала ждать конца торжества. Она преподнесла скромный подарок и скупое поздравление, дождалась, когда догорит палочка благовоний и покинула павильон Великой радости. И кто дал такое название месту, где отрубали головы главам Дворца?

Гостей расположили в восточном павильоне напротив разбитого в самом сердце Дворца сада. Последние девять лет на заставе Тяньбао Умэй видела только голые черные камни, снег и бесплодные деревья. Но давно позабытое величие и цветение юга не тронули ее. Как не трогали и разнообразная пища после безвкусной жидкой похлебки на воде, или мягкая постель после соломенной лежанки. Ни разу за эти годы Умэй не пожелала вернуться. С холодным и безжизненным помещением Тяньбао она ощущала родство. Время там текло незаметно, замерев в одном мгновении. Здесь оно жило и кипело, убегая, как песок сквозь пальцы.

Ставив с кровати одеяло, Умэй бросила подушку на пол и легла прямо там, плотно закутавшись, как в кокон. Теперь только так она могла уснуть. Если бы А-Сяо¹² увидела меня сейчас, подумала Умэй, она сошла бы с ума.

По привычке она поднялась с первыми лучами и обошла Дворец, не зная, чем себя занять.

Дворцы кормились тем, что их мастера уничтожали свирепствующую в Тянься нечисть. Помимо платы за проделанную работу от заказчиков, Дворцы получали ежегодную плату от императора в три миллиона лян¹³ серебром. Здесь, в Сычуани, было полно богатых купцов, чиновников и аристократов, готовых заплатить любую цену за защитный талисман или чудотворный порошок. И кто не захочет жить в одном из богатейших Дворцов империи? Желающие обучаться во Дворце Гаофэй десятитысячными толпами стекались на ежегодный отбор. И Дворец мог позволить себе выбрать лучших. Прошедшие обучение у Старейшин оставались служить своему Дворцу. Что же касается Гаофэй, то из-за частной смены глав многие адепты уходили, сохраняя верность принявшему их когда-то мастеру. Но многие оставались, легко принимая нового хозяина. Людей во Дворце Гаофэй всегда было много. Но вот их качество... об этом Умэй судить не бралась.

К полудню она решила, что Су Миньинь уже должен был проснуться и приступить к своим обязанностям. Умэй прошла к павильону Сохранения гармонии, но служанки, дежурившие у рабочего кабинета главы Су, сказали, что он занят и не может принять ее сейчас. Умэй опустила на кушетку и принялась ждать. Некоторое время спустя служанка подала ей чай. Интересно, здесь так принято, или та хотела проверить, жива ли Умэй? Она часто ловила себя на том, что, погрузившись в мысли, замирает и почти не дышит.

Утонченная женщина в платье прислуги направлялась к кабинету главы, но, заметив Умэй, замерла. Ее точеное белоснежное лицо помрачнело.

– Госпожа Шань? – уточнила она.

¹² Приставка «а» используется для неформального обращения к близкому человеку

¹³ Денежная единица Древнего Китая

Умэй кивнула. Невольно она задумалась, что за занятая особа перед ней: одета, как служанка, а держит себя, словно благородная госпожа.

Женщина скрылась в кабинете. Служанки попытались остановить ее увещеваниями, что хозяин занят и велел не беспокоить, но женщину это не остановило. Два голоса обменялись едва слышимыми репликами, после чего женщина вышла и обратилась к Умэй:

– Глава Су может принять вас.

Умэй плавно поднялась. Подобное отношение не удивило ее: Су Минъинь не мог не знать, что она здесь по приказу императора.

Рабочий кабинет был слишком просторным, а его обладатель – что бывший, что нынешний – явно страдал вещизмом. Кроме мебельного комплекта из сандалового дерева комната наполнилась всевозможными мелкими сувенирами из нефрита, яшмы, слоновой кости и драгоценных металлов. Веера, статуэтки, шкатулки. Умэй не рассматривала их – взгляд ее сразу уперся в хозяина Дворца.

Широко улыбнувшись ей, он подал знак присесть. Умэй опустилась напротив него, их разделял блестящий новенький стол.

– Чая? – предложил Су Минъинь.

Умэй отказалась.

– Полагаю, вы знаете, зачем я здесь? – спросила она.

– Могу догадаться. Дело в господине Мо?

Умэй невольно скривилась. «Господин Мо»? Этот ублюдок не заслуживает такого уважительного обращения.

– Полагаю, через госпожу Шань Сын Неба¹⁴ передал мне указ ввязаться в погоню за неуловимым призраком Мо.

Умэй мрачно воззрилась на него. Она была уверена, что впервые увидела Су Минъиня вчера вечером, но он смотрел на нее, как на давнюю знакомую. Руки его подрагивали то ли от радостного возбуждения, то ли от волнения. Он старался не смотреть на нее слишком долго и пристально, но в каждом взгляде читались неприкрытые заинтересованность и восторг. Он ерзал и совершал кучу лишних, нервных движений. Умэй силилась разгадать причину его странного поведения, но в голову не приходило ничего правдоподобного.

– Господин Су говорит так, будто восхищается этим беспринципным убийцей. – процедила Умэй.

Рука Су Минъиня, которой он держал кисть и что-то выводил на желтоватом листе, замерла. Уродливое пятно туши расплзлось по бумаге.

– Хм... когда я должен приступить к его поискам?

– Его Величество император Чжоу не требует вашего личного участия. Достаточно, если вы выделите на это адептов.

– А госпожа Шань? Вы будете участвовать в этом?

Умэй не хотела делиться с ним своими планами, но все же призналась:

– Да.

Этот ответ, казалось, и расстроил, и воодушевил господина Су:

– Тогда и я должен приложить все усилия. Госпожа Шань уже знает, с чего начать поиски?

– Наньчан. Провинция Цзянси.

– Разве он не вырезал Дворец Вэйцзу в Дачжоу? Было бы разумно начать оттуда.

– Дворец Вэйцзу уже обыскали вдоль и поперек. Не вижу смысла тратить на это время.

– Тогда, в провинции Цзянси?..

– Один мой хороший знакомый, который может помочь. – оборвала его Умэй. – Позвольте я напишу письмо Его Величеству. Сколько людей вы готовы выделить?

¹⁴ Т.е. император Поднебесной

Су Минъинь помолчал, прежде чем неожиданно серьезно сказать:

– Госпожа Шань может забрать все.

Умэй невольно столкнулась с ним взглядом. Темно-карие глаза жадно пожирали ее, а их обладатель застыл, будто ожидал, что вот-вот его ударят в грудь. Длинные тонкие пальцы раздосадовано постукивали по дереву. Это выбило почву из-под ног Умэй.

Уколов его ожесточенным взглядом, она крайне непочтительно вырвала у него из рук чистый лист и кисть. Обмакнув кончик в тушь, она вывела начало письма.

– Две сотни человек вы предоставите императорскому двору. – заключила Умэй. Кожей она еще чувствовала чужое настойчивое внимание, отзывавшееся в ней холодком вдоль позвоночника, но упрямо игнорировала его. – Насколько мне известно, Дворец Гаофэй располагает почти тысячей заклинателей по всей провинции? Две сотни – небольшая потеря для вас.

– Госпожа Шань все верно рассчитала. – безэмоционально отозвался Су Минъинь. Он шумно вздохнул, прежде чем вернуть на лицо тошнотворную маску добродушия. – Госпожа Шань, почему бы нам не скрепить наше сотрудничество браком? Вы ведь не замужем?

– Я вдова. – отрезала Умэй, пропустив мимо ушей первый вопрос.

Улыбка ее собеседника превратилась в болезненный оскал, когда даже намек на веселье потух в его глазах.

– Соболезную. – Су Минъинь резко убрал руки под стол, поняв, как сильно выдают его беспокойные движения пальцев, живущих своей жизнью.

– Не стоит. – Умэй не отрывалась от письма, аккуратно выводя иероглифы. За долгие годы в Тяньбао она не научилась читать, но руки ее, казалось, онемели. Мазки выходили хаотичными, а слова – кособокими. – Уже девять лет прошло.

– Вы бессердечны.

– Не более, чем любая другая женщина, выданная замуж родителями. Он был хорошим человеком, я его уважала.

– Но не любили.

– Нет.

Су Минъинь опустил голову, размышляя над чем-то. Наконец он едва слышно прохрипел:

– Как он умер?

Умэй оглядела свою работу, пробежалась по строкам еще раз и осталась удовлетворена.

– Не думаю, что должна обсуждать это с вами. Я и так сказала достаточно много, оказав вам большое доверие. Надеюсь, что могу рассчитывать на ответный жест.

Она поднялась, свернула письмо и откланялась.

Уже у самых дверей ее настиг неожиданный вопрос:

– Госпожа Шань, вы были когда-нибудь в Юньнани?

Умэй замерла на мгновение.

– Разумеется.

Конечно, она была там.

Иногда ей казалось, что там она оставила свою жизнь.

Глава 2. Песнь юных лет все еще в сердце звучит

10 лет назад

Джонка мягко скользила по течению реки.

Прямоугольные паруса из бамбуковых рей и циновок безвольно лежали, нетронутые ветром.

Шань Умэй¹⁵ стояла под тенью навеса, опираясь о гладкий борт и следя за плеском ударяющейся о корпус воды. Она усердно не замечала отца в компании двух жен и сыновей, наслаждающихся южными кушаньями у нее за спиной. Но куда старательнее Умэй игнорировала Си-эр и Янь-эр¹⁶, своих младших сестер. Они обмахивались роскошными веерами, приобретенными на рынке в Юйси во время остановки, и простодушно щебетали обо всяких глупостях вроде местных сладостей или мужчин.

Южное солнце пекло нещадно, и для семьи Шань, прибывшей с далекого сурового севера, дорога до Юньнаня давалась тяжело. Си-эр и Янь-эр не раз порывались сбросить с себя мантии, но всякий раз останавливались под предупредительным взглядом старшей сестры.

– Эти мантии показывают вашу принадлежность к семье и Дворцу – самому важному, что у вас есть. Не сбрасывайте их с себя так просто. – наставительно твердила Умэй, проклиная про себя и Дворец, и мантию, а иногда и семью.

Сейчас она была бы рада и обычно раздражающему обществу Сяо Сяо¹⁷, ее служанки. Но куда больше Умэй хотела увидеть Чжан Юна, старшего ученика отца и своего ближайшего друга. Но оба они были заняты: Чжан Юн, как старший и любимый ученик мастера, был удостоен чести сидеть с ним за одним столом, а Сяо Сяо вместе с остальной прислугой заботилась о комфорте почтенных господ.

Уловив мимолетное движение сбоку, Умэй обернулась. Си-эр с улыбкой протягивала ей веер.

– У тебя лицо красное. – пояснила она. – Смотреть больно. Почему ты не выбрала себе такой же, когда мы были в Юйси? Там был такой белый-белый, с узором из серебряных цветов, он подошел бы тебе. Такой же холодный, как ты.

Она говорила это без капли упрека, с детской прямоотой. Умэй открыла было рот, чтобы напомнить ей, что воспитанная госпожа из благородной семьи не говорит все, что у нее на уме, но тут на нее налетела Янь-эр, яростно размахивая веером:

– Она не возьмет его, Си-Си! Мэй-Мэй хочет, чтобы мы сами ее остудили!

Рассмеявшись, Си-эр присоединилась к забаве. Умэй стойко вытерпела эту шалость, едва удержавшись, чтобы не закатить глаза – воспитанные леди так не делают.

– Благодарите Небеса, что моя прическа не испортилась. – произнесла Умэй, когда напор двух вееров стих. – В противном случае ваши игрушки уже кормили бы речных гулей.

Сестры переглянулись.

– Вздор! – воскликнула Янь-эр. – Нет здесь никаких речных гулей, Юньнань – территория Дворца Мэйхуа¹⁸, даже будь здесь нечисть, адепты Дворца давно истребили бы их!

Но столь смелые слова не помешали ей опасно покоситься на взбаламученную джонкой воду.

– Неужели ты думаешь, что я все утро стою у борта лишь потому, что мне это нравится? Кажется, не так давно я видела в воде тень. – закрепила успех Умэй и направилась к ломяще-

¹⁵ ###. # – шань – гора, ## – умэй – «без сна», бессонница

¹⁶ Суффикс «эр» является уменьшительно-ласкательным и употребляется по отношению к близким родственникам

¹⁷ ##. # – маленький, # – смех, улыбка

¹⁸ ## – «цветы сливы»

муся от яств столу, откуда ей едва заметно подавала знаки мать. Си-эр и Янь-эр за спиной Умэй перегнулись через борт, выискивая тени в воде.

Поклонившись присутствующим, Умэй опустилась рядом с матерью.

Шань Цинцао, первая и некогда любимая жена Шань Лиши, была статной и красивой женщиной с правильными, изящными чертами лица и заносчивым характером. Фигура ее испортилась после появления на свет Умэй, и Шань Цинцао решила, что детей у нее больше не будет. Несколько месяцев она глотала ртуть и свинец, едва не ослепла, но своего добилась: иметь детей она больше не могла. Ей хватило глупости гордиться этим. Торжество не перебилося и тем, что ее муж взял в семью еще одну женщину. Шань Бучжэнь была женщиной скромной и безропотной, и детей рожала, как кошка – два года по сыну и еще два года по дочери. Были и несчастные времена: она не раз теряла детей. Не будь ее здоровье подорвано, у главы Шань сейчас было не меньше десяти детей. Бесцветная и покорная, она более чем устраивала Шань Лиши. Цинцао, даже теперь, родив всего одну-единственную дочь и лишившись особого расположения мужа, посматривала на вторую жену с превосходством. Совершенно неоправданным, как считала Умэй. Только ослепнув и оглохнув можно было не разглядеть того плохо скрываемого раздражения, с которым отец обращался со своей первой супругой. Мать любила повторять, что любовь мужчины ненадежна и изменчива, но упорно отказывалась замечать столь явное пренебрежение к себе.

– Позвольте мне. – спокойно произнесла Умэй, увидев, как отец потянулся за кувшином с рисовым вином.

Придержав рукав, она осторожно наполнила все пиалы, миновав лишь свою. На лицо матери, светящееся гордостью и торжеством, Умэй старалась не смотреть. Но тут, к ее стыду, старшая мадам Шань с бахвальством заявила:

– Моя девочка прекрасно воспитана, верно? Она такая талантливая заклинательница и достойная юная госпожа! И при всем этом – невероятно скромна и кротка. Такую жену во всей Поднебесной не сыскать. Ее брак с молодым господином Ли¹⁹ – дело решенное.

Стараясь не краснеть от такого бесстыдства, Умэй молила Небеса, чтобы у ее матушки скорее иссяк запас слов.

Все же она была редкостной дурой, этого Умэй не могла не признать. Конечно, она не выдала бы своих мыслей ни словом, ни жестом, ни взглядом. Женщина, сидящая по правую руку от нее, и мужчина напротив – люди, подарившие Умэй жизнь. Они же этой жизнью и распорядились. И Умэй признавала за ними это право со всем привитым ей смирением. Но, пусть телом она принадлежала семье, ее мысли все еще принадлежали только ей. А потому думать она себе позволяла о чем угодно. И сейчас она думала лишь о том, чтобы мать замолчала и перестала их позорить.

– Как тебе молодой господин Ли? – меж тем не унималась Шань Цинцао. – Хотела бы выйти за него замуж?

Этот вопрос неуместен, подумала Умэй, но вслух сказала:

– Он достойный молодой господин. Я же поступлю так, как велит отец.

Она поймала внимательный взгляд Чжан Юна, сидящего по левую руку от отца, и опустила взгляд, сделав вид, что увлечена тушеными овощами.

Мать чуть не замурлыкала от удовольствия.

– Что я говорила? Такая воспитанная...

Шань Лиши перебил ее, сменив тему беседы и наконец прекратив этот беспредел. Умэй облегченно выдохнула. Шань Бучжэнь мигом влилась в разговор, первая же госпожа Шань оказалась отодвинута на задний план. Хмурясь от недовольства, она взяла руку Умэй в свои и принялась остервенело ее поглаживать.

¹⁹ # – слива

– Посмотрим, как мило эта дурнушка будет улыбаться, когда ты выйдешь замуж и станешь хозяйкой Дворца Мэйхуа. А те маленькие профурсетки? Один ветер в голове. Не удивлюсь, если сбегут с каким-нибудь торговцем и опозорят семью.

Умэй тактично промолчала. Бывало, она испытывала обиду от того, как отец обращался с ее матерью. Но в то же время не могла не признать: Шань Бучжэнь достойная госпожа, родившая ему двух наследников и дочерей-красавиц, без ума от которых были все, кто хоть раз взглянул. Пусть Си-эр и Янь-эр не доставало воспитания, но этот недостаток компенсировался их очарованием. Умэй этого не имела. От отца ей достались острые скулы, вытянутое лицо, нос, чуть длиннее, чем дозволено иметь женщине, резкие заостренные черты лица, колючий взгляд и хмурый разлет бровей. От матери она унаследовала только капризный излом губ. Тренировки сделали ее тело высоким и тонким, а оттого жилистым и плоским, и его она прятала под одеждой с воротником под самое горло и рукавами до кистей. С детства было ясно, что блистательного брака ей никогда не заключить. Все, что оставалось Умэй – упорно совершенствовать владение мечом и цингун²⁰. То, что главе Дворца Мэйхуа старшему господину Ли так полюбилась эта маленькая холодная колючка Умэй, что он решил женить на ней своего старшего сына – большая удача. И Шань Цинцао вцепилась в нее изо всех сил.

Вечером Умэй снова вышла постоять у борта. Прохладный ветер остужал голову, а шумный плеск пенящейся воды успокаивал. Казалось, с груди сняли давивший на нее булыжник, и дышать стало легче.

Чжан Юн раздавал прислуге последние указания. Когда голос его стих, Умэй услышала приближающиеся шаги.

– Мадам Ли, почтенная хозяйка Дворца Мэйхуа, как вы находите юг? – первое, что он сказал ей за весь день.

– Не издевайся, я чуть не умерла от стыда.

– Если ты не хочешь этого брака, только скажи – я заберу тебя.

Он сказал подобную глупость с такой убежденной серьезностью, что Умэй едва не расмеялась.

– О чем ты говоришь? Я мечтаю об этом браке. Тогда я наконец исполню долг перед семьей и успокою все чаяния моей матушки.

– Но...

– Никаких «но». Жить на юге, в этом сказочном тихом месте, кто отказался бы от подобного? Лучшего брака никто мне не предложит. А если удачно не выйду замуж, то все, что мне останется – это совершенствоваться. Но боюсь, если и здесь не будет успеха, и я не вознесусь на Небеса²¹, матушка удавится с горя.

Чжан Юн хотел было что-то сказать, но не нашел слов. Некоторое время они просто молчали, слушая невнятное бормотание воды.

– Завидую Сяо Сяо. – нарушил тишину Чжан Юн. – Она сможет уехать с тобой. А я буду на другом конце страны. Разве это справедливо?

Умэй не сдержала улыбки.

– Возможно, я оставляю эту служанку тебе, чтобы ты не грустил. Если она продолжит меня раздражать своими всхлипами, я предпочту трепетно лелеять нашу дружбу на расстоянии во всю Поднебесную.

Чжан Юн усмехнулся. Он хотел было что-то сказать, но его прервал шорох юбок.

– Старший ученик, – чинно обратилась к нему старшая госпожа Шань, – не мог бы ты нас оставить?

²⁰ Вымышленная духовная практика, совершенствуя которую можно научиться преодолевать земное притяжение, перемещаться быстро и легко и даже летать

²¹ Последней ступенью самосовершенствования культиватора, после достижения бессмертия, является вознесение

Насилу согнувшись в поклоне, Чжан Юн бросил многозначительный взгляд на Умэй и послушно удалился. Пальцы Умэй невольно сжались на борту, когда мать приблизилась к ней вплотную.

– Ты – благородная незамужняя госпожа, разве пристойно оставаться тебе наедине с мужчиной? – упрекнула она.

– Чжан Юн – мой соученик, что же здесь непристойного?

– Не спорь со мной! Что за девица... Как прибудем во Дворец Мэйхуа, даже не приближайся к нему, не разговаривай, и не смотри в его сторону. Не хватало еще, чтобы брак был расторгнут из-за твоей неосторожности. Видят Небеса, ты не первая красавица Поднебесной, и обаяния в тебе не больше, чем в выброшенной на берег рыбе. Тебе нельзя допустить ни пятнышка на репутации.

Призвав все внутренние силы, Умэй покорно кивнула. В памяти у нее всплыла история, которую мать рассказывала ей с особым упоением. В младенчестве Умэй не спала ночами. Стоило темноте опуститься на Дворец Уфэн²² – фамильное имение семьи Шань, как она теряла покой и без конца кричала, не давая спать ни матери, ни целому легиону слуг. Поэтому ее и назвали Умэй. Уже после, когда она подросла, Шань Цинцао твердила ей: «В детстве ты приносила своей матушке так много неприятностей. Но теперь моя Мэй-Мэй хорошая девочка. Больше она не будет доставлять матушке неудобства, верно?».

Не желая больше продолжать разговор, Умэй сослалась на усталость и ушла в свою каюту.

Утром следующего дня джонка причалила в Солнечной пристани. Царившее здесь возбужденное оживление сбило бы с толку любого жителя северных провинций. Непривыкшие к густо заселенности и богатству юга, северяне испытали краткий миг ступора. В глазах рябило от пестрых нарядов, а голова шла кругом от запахов пряностей, которые ветер приволок со стороны рынка, и какофонии из голосов, топота ног и звона посуды уличных лавочек.

Наняв коляску для членов семьи Шань, и несколько лошадей для учеников и прислуги, делегация отправилась в путь.

Через несколько часов они прибыли ко Дворцу Мэйхуа. Это было огромное строение, ослепительно-белое в лучах солнца, окруженное рощей цветущих слив. Дорога к усадьбе была выстлана нежно-розовыми опавшими лепестками, а нос ласково щекотал сладковато-душистый аромат цветов.

Встретить гостей чета Ли вышла лично в сопровождении нескольких слуг. Умэй понравилось приветствие: без стройных построений прислуги, заучившей и скандирующей слова приветствия, просто и радушно, так, как встречают старых друзей, а не тех, перед кем хотят хвастнуть богатством.

Глава Дворца Мэйхуа Ли Вэньлян со своей единственной женой Ли Сюцюэ были людьми уже немолодыми, и до того похожими друг на друга лицом, как могут быть похожи лишь люди, прожившие бок о бок целую жизнь. Чуть поодаль от них стояли дети. Ли Сидао²³, старший сын и напороченный будущий муж Умэй был высоким юношей с крупными чертами лица и широкими плечами. Мощное телосложение воина отличало его от всех остальных членов семьи – маленьких и хрупких. Его младшие сестры – Ли Хуахуа²⁴ и Ли Сяосин²⁵ – вряд ли могли называться непревзойденными красавицами, но, большеглазые и большеротые, они казались миловидными. Умэй взглядом искала еще одного человека, но так и не нашла знакомого лица. Странно, она не впервые прибыла во Дворец Мэйхуа и точно помнила, что у четы Ли было четверо детей.

²² ## – «Пять пиков»

²³ ###. # – си – счастливый, # – дао – путь

²⁴ ###. # – хуа – цветок

²⁵ ###. # – сяо – маленький, # – син – звезда

Когда с поклонами и приветствиями было покончено, все направились в поместье.

– Признаться, мы не ждали вас так рано. Комнаты уже готовы, но праздничный ужин придется подождать. Мы поторопим прислугу.

– Что вы, что вы, не стоит так утруждаться.

– Попутный ветер и скорое течение нам благоволили.

– Не было ли неприятностей в дороге?

– Какие могут быть неприятности? Разве что речные гули, но как могут они водиться в водах Юньнана, когда Дворец Мэйхуа охраняет покой жителей?

Умэй надоело прислушиваться к светской бессмысленной беседе, и она принялась осматриваться, воскрешая в памяти картины из детства.

Как и тогда, Дворец Мэйхуа – это твердь небесная на земле. Если не небожители, кто еще мог ступать по этим выложенным камнями тропам, слушать звонкие песни птиц и вдыхать неповторимый аромат цветов, влажной земли, воды и свежего ветра. Это спокойное тихое место казалось отрезанным от суетного мира с его распрями и кровопролитными войнами. Время здесь будто остановилось в одном бесконечно прекрасном мгновении вечной весны.

Миновав сад, они поднялись по белоснежным ступеням, окаймленным золотыми балюстрадами. Дворец был построен против всех существующих норм. Несколько строений в пять ярусов были соединены между собой крытыми галереями или мостами, переброшенными через бесшумное озеро, на ровной глади которого покачивались белоснежные лотосы. У главных ворот дамэнь их встретили две каменные статуи львов – хранителей покоя.

Ли Сидо был приятен в общении и хорошо воспитан, Умэй знала его с детства и испытывала к нему симпатию. С какой стороны ни взгляни, выйти за него замуж и стать хозяйкой этого места – о чем еще можно мечтать? Портит все только надменный вид Шань Цинцао, вышагивающей так горделиво и торжествующе, будто она уже стала матерью хозяйки Дворца Мэйхуа.

Ужин прошел по-семейному весело и тепло. Главы Шань и Ли вспоминали совместное лихое прошлое, выпивали за детей и процветание империи и их Дворцов. Этим вечером здесь, в большом зале, не было места для обсуждения проблем. Умэй знала, как беспокоила отца весть о внезапной болезни императора Чжоу, застигшая их в пути в Юньнань, и как сильно он хочет обсудить это со старым другом. Вероятно, он дождетса конца трапезы, когда женщины отправятся отдыхать.

Умэй лениво тащила палочками еду, чувствуя лишь непривычную остроту, мысли ее были о другом. Сестры ее поладили с обеими господами Ли. Все четыре девицы балансировали на грани приличия, ерзая за своими столиками и то и дело перегибаясь через них, грозя опрокинуть тарелки. Ли Сидо, сидящий рядом с этим беспорядком, медленно потягивал вино из чарки. Он смотрел четко перед собой, не замечая поведения развеселившихся девиц, и в этот момент Умэй понимала его, как никто другой. Столик слева от Сидо пустовал. Он был предназначен для младшего ребенка семьи Ли, и все семейство так умело игнорировало его отсутствие, что Умэй могла только поаплодировать.

Когда на Юньнань опустилась темнота, Умэй закрылась в комнате. Раздеваться она не спешила, ожидая скорого визита. Сяо Сяо, счастливая, что наконец может быть подле госпожи, расчесывала ей волосы. Получалось из рук вон плохо, потому что одновременно она успевала напевать и пританцовывать.

– Госпожа, молодой господин Ли такой высокий, вы ему до плеча едва достаете. А ведь госпожа и сама не мала ростом! – щебетала она над ухом. – И такой грозный, ух, как глянет – страшно. Вот настоящий господин! Вы не боитесь его?

От необходимости отвечать Умэй избавил стук в окно. Поднявшись, она сбросила белую мантию с изображением журавля – символа Дворца Уфэн – на спине. Поверх голубого ханьфу она накинула плащ.

– Госпожа! Куда вы? – Сяо Сяо выронила гребень от испуга.

Умэй юлить не стала.

– В театр.

– В... в театр? Но как же?..

– Когда выйду замуж, муж может запретить мне развлечения. – ответила Умэй, открывая окно. – К тому же... сбегать весело. Ты со мной?

– Я...

– Долго ждать не стану.

Поколебавшись, Сяо Сяо подбежала к Умэй. Притянув к себе служанку, она вместе с ней встала на меч и слетела на нем вниз²⁶. Там их ждал Чжан Юн.

– Это ты! – бросилась к нему Сяо Сяо. – Так и знала, что это ты, негодник, подбиваешь госпожу!

Рассмеявшись в ответ, Чжан Юн ухватил ее за руку и потянул за собой.

Дворец Мэйхуа охранялся слабо. Кроме того, адепты Дворца, стоящие на посту, прежде всего следили, чтобы никто не проник в усадьбу. О том, что кто-то может сбежать из нее, они беспокоились мало. Ускользнуть в город не составило труда.

Несмотря на то, что почти наступила ночь, на улицах не спадало оживление.

Умэй со своими спутниками не рискнула появиться в главном театре города, где собирались представители богатейших семей Юньнана. Вместо этого они попали на полу-уличное представление. Дешевые декорации, галдящая прямо во время представления толпа, старые костюмы и неумелые актеры. В пестрых дешевых одеждах они выпрыгивали из-за кулис, танцевали, напевая преувеличенно визгливыми голосами, декламировали стихи и изображали сражение на мечах. Но это делало Умэй такой счастливой, как еще никогда раньше. Эти краткие минуты свободы, когда она не была госпожой Шань, а всего лишь молодой девицей, заплатившей за представление один лян серебром, она силилась вырезать в своей памяти, чтобы потом лелеять их, как ценнейшее свое сокровище. Одной рукой она сжала теплую сухую ладонь Сяо Сяо, другой – запястье Чжан Юна. По груди разлилось приятное тепло.

Умэй почти перестала следить за представлением, как вдруг на сцену ступила одетая в простое зеленое ханьфу девушка. Она была выше, чем положено быть женщине, широковата в плечах. Под толстым слоем грима было не разглядеть ее черт, но Умэй точно могла сказать, что, хоть лицо ее любой назвал бы красивым, оно лишено девичьей тонкости. Актриса грациозным взмахом кисти распахнула веер и замерла. Движения ее были столь элегантными и утонченными, что зрители притихли. Взгляд ее прошелся по залу, зацепился за что-то, и губы тронула загадочная полуулыбка. Полилась мелодия цитры, ей вторили флейта и гуцинь. Девушка на сцене сделала первый шаг. Еще никогда Умэй не видела настолько прекрасного танца. Рукава порхали, как крылья бабочки, веер взлетал и послушно возвращался в руку, раскрывался и вновь сворачивался. Девушка замирала, подобно неподвижной скале, и неожиданно вновь начинала двигаться – то плавно, как маленькие волны, то вдруг резко и стремительно, как рубящий взмах меча. Не она танцевала под музыку, а цитра подыгрывала ей, следуя за каждым выверенным шагом, поворотом головы, взмахом рук, изгибом спины. Умэй завороченно следила за ее движениями, думая, что такое сокровище могло забыть здесь. Этой девушке место на главной сцене Юньнана, где ее талант могут лицезреть первые люди провинции. Ее не стыдно было бы показать и на императорском пире!

Музыка стихла. Девушка замерла. Затем выпрямилась, поклонилась зрителям и удалилась за кулисы под шквал аплодисментов. Дальнейшие выступления показались Умэй еще более убогими, что были до этого.

²⁶ В романах о заклинателях полет на мече – обычная практика

Сразу после конца представления Умэй отправила Чжан Юна и Сяо Сяо к лавочкам за сладостями. Сама она планировала пробраться за кулисы и выразить талантливой актрисе свое восхищение. Сяо Сяо попыталась остановить ее, но Чжан Юн придержал служанку:

– Пусть идет. Сегодня пусть делает, что хочет.

Как и ожидалось, гримерные актеров совсем не охранялись. Умэй, несколько сконфуженная тем, какие неприличные вещи совершает, постучалась. Никто не ответил, и она осторожно отодвинула дверь в сторону. К ее счастью, гримерная пустовала: за исключением поразившей зал девушки, никого внутри не было. Умэй решительно вошла.

– Госпожа, – начала она, – простите мне эту вольность. Но я не могла не выразить вам свой восторг. Вашему таланту действительно сложно найти равный.

Умэй едва не свалилась прямо на брошенный у стены реквизит, когда девушка вдруг обернулась и заговорила с ней мужским голосом:

– Правда? Госпожа Шань действительно так считает? Тогда я счастлив!

Умэй сгорала от стыда при мысли, что она тайком пробралась в гримерную к мужчине, но ведь этот самый мужчина сейчас стоял перед ней в женском платье и не до конца стертым с лица гримом! Только воспитанное в ней с детства умение держать лицо позволило Умэй вернуть себе самообладание и спокойно ответить:

– Мы знакомы?

Юноша вздохнул так, будто был оскорблен до глубины души:

– Как же так! Я узнал тебя сразу, как только увидел среди зрителей, а ты даже сейчас... как ты можешь быть после этого моей невесткой?

Это окончательно выбило пол из-под ног Умэй.

– Кай... Младший господин Ли?!

Ли Кайсинь²⁷, младший ребенок четы Ли, окунул полотенце в небольшой деревянный таз, выжал и стер с лица остатки грима. Он не мог похвастаться высоким ростом и широким размахом плеч. Худощавый, он был ростом едва ли выше Умэй. Черты лица его были мягкими, лишенными остроты и резкости. Ли Кайсинь остался таким же, каким Умэй запомнила его – теплым южным мальчиком, выращенным в любви и заботе среди сливовых рощ и не ведавшим холода родительского отчуждения.

– Господин Ли, почему вы здесь? – спросила Умэй.

– Эй, почему ты обращаешься ко мне так официально? Разве мы не прятались вместе от моего брата в сливовой роще и не ловили рыбок в пруду у Дворца?

– Мы уже давно не дети. Иное обращение теперь неуместно.

Кайсинь вздохнул почти обреченно, но с лица его не сходила простодушная улыбка.

– Я давно мечтаю стать актером. Не могу пойти в более приличное место – если кто-то узнает меня и расскажет брату, он ноги мне переломает. А здесь мне заявили, что мужчин у них хватает. Вот если бы девушка пришла – приняли бы с радостью. Ну и что мне оставалось?

– Вернуться во Дворец и усердно выполнять сыновий долг.

Кайсинь не ответил, лишь шире улыбнулся. Но весь его вид выражал уверенность, что сын он самый что ни на есть лучший, и долг свой выполняет, как надо. Ни отчитывать, ни уговаривать его вернуться в усадьбу Умэй не собиралась. Она распахнула дверь, когда с улицы донесся вопль ужаса.

Мгновенно оказавшись снаружи, она огляделась. Оглушительно крича и расталкивая друг друга, люди неслись прочь от лавки с тканями. Недолго думая, Умэй направилась туда. Боковым зрением она улавливала зеленые всполохи слева. Кайсинь следовал за ней. Вышел на люди в женском облачении. Что за бесстыдник!

²⁷ ###. # – кай – открыть, # – синь – сердце. ## – радость, искренность

Когда масса людей схлынула, Умэй увидела трупно-синеватые тела цзянши²⁸. На их лбах шелестели бумажные талисманы с таинственными письменами. С невнятным мычанием цзянши бросались на тех, кто не смог протолкнуться сквозь обезумевшую толпу и сбежать. Передвигаясь скачками из-за одеревеневших конечностей, они выпивали из людей ци²⁹. Всего Умэй насчитала семь цзянши и троих людей с выпитым ци, чьи тела были брошены у порога ткацкой лавки. Где-то поблизости должны были быть Сяо Сяо и Чжан Юн, но за них Умэй не волновалась. Ее соученик сможет позаботиться о служанке.

Лязг металла – Умэй обнажила меч. Взмах – и послышался звук разрушаемой плоти. Отсеченная голова откатилась в сторону. Тело цзянши рухнуло под ноги Умэй. Другие твари заметили ее и атаковали. Зеленый всполох мелькнул совсем рядом.

– Уходи! – крикнула Умэй, вспомнив, что он безоружен.

Но она ошиблась. Кайсинь раскрыл веер. Несколько резких отточенных движений, и еще три головы упали на землю, забрызгав темной кровью полы зеленых одежд. С той же грацией, с какой исполнял танец, он резал мертвую зловонную плоть. Веер в его пальцах был послушен, как продолжение руки.

Приказав себе не отвлекаться, Умэй разрубила еще двоих цзянши. Кайсинь бросился в лавку, проверить, остались ли там еще твари. Ледяная одеревеневшая рука оставила алый росчерк на плече Умэй. Зашипев от боли, она перебросила меч в левую руку и отрубила мертвую конечность. Одежда намочила от крови и прилипла к плечу. Рука безвольно повисла вдоль тела. Умэй инстинктивно схватилась за плечо, и все ее тело содрогнулось от боли. Ноги онемели, и она едва не рухнула на колени, но, пошатнувшись, устояла. Поумневшая нежить со всех ног улепетывала. Умэй бросилась следом. Отсеченная голова твари жила своей жизнью. Горя предсмертной ненавистью и напичканная темной энергией, она из последних сил распахнула пасть так широко, что мертвая плоть по краешкам рта надорвалась. Гнилые зубы впились в ногу Умэй. Она вскрикнула и с силой дернула ногой, отбрасывая от себя голову живого трупа. В месте укуса нога оцепенела. Не обращая внимания на боль, Умэй хромала за цзянши, думая лишь о том, что, если она даст ему уйти, пострадают еще люди. Она замерла, увидев, как тварь валится, разрубленная пополам.

Чжан Юн вышел из тени, стирая с клинка кровь. Умэй поспешно сорвала плащ и обмотала им плечи, пряча рану.

– Госпожа! Вы целы! – Сяо Сяо бросилась на Умэй с объятиями, но та неловко увернулась и придержала служанку за плечо.

– Разумеется, цела. Давайте уйдем отсюда. Скоро здесь будут адепты Дворца Мэйхуа. Неловко получится, если они застанут нас здесь.

Чжан Юн хотел что-то сказать, но тут из лавки вышел Кайсинь в женском ханьфу, и все слова застряли у него в горле.

– Там пусто. – сообщил Кайсинь. – Зато я увидел дешевые подделки, которые выдают за шелк, якобы привезенный из столицы. Не знал, что в Юньнани развелось столько жулья!

Заметив недоумение своих друзей, Умэй поспешила представить:

– Младший господин Ли. – коротко бросила она, указав на Кайсиня.

– А? Меня кто-то звал? – отозвался тот.

Чжан Юн кивнул.

– Я узнал господина Ли. – и вслед за Сяо Сяо согнулся в поклоне. Но некоторая растерянность все еще не сходила с их лиц.

– Идемте. – поторопила Умэй.

²⁸ Своего рода китайский аналог западных зомби

²⁹ Жизненная энергия

Втроем они поспешили прочь. Кайсинь наклонился, оторвал один талисман со лба цзянши и, придерживая полы ханьфу, побежал следом. Прямо над их головами просвистели мечи: адепты Дворца Мэйхуа спешили к месту происшествия.

Лишь уйдя на несколько кварталов от ткацкой лавки, Умэй и остальные перешли на шаг. Перед глазами Умэй все плыло от боли. Она направляла свою духовную энергию к ранам, но исцелить их так быстро не могла. Длинная людная улица завертелась, переворачиваясь с ног на голову и обратно. Умэй прикрыла глаза и глубоко дышала.

Начинать разговор никто не спешил. Чжан Юн и Сяо Сяо поглядывали на Кайсиня. Умэй, не стесняясь, смерила его долгим пронзительным взглядом. Решив заметить его, Кайсинь улыбнулся:

– У меня что-то на лице?

– Не думала, что ты умеешь сражаться. – во время нередких и достаточно продолжительных визитов во Дворец Мэйхуа она никогда не заставляла его за тренировкой или даже с мечом в руках. Поэтому Умэй сделала вывод, что по стезе заклинателя пошел старший сын, младший же был лелеемым всеми бездельником.

– Ай. – Кайсинь очаровательно нахмурился, будто вспомнил что-то неприятное. – Родители и впрямь не хотели, чтобы кто-то из их детей брал в руки меч. Мы с детства занимались только духовными практиками. Но у брата начался трудный возраст, и бунтарский дух толкнул его взяться за меч. Он и меня заставлял. А я так боялся его, что не мог перечить. К тому же, стоило мне начать бунтовать, как он поколачивал меня, выбивая все желание спорить. Пришлось научиться давать сдачи.

– Господин Ли, что у вас в руке? – спросил Чжан Юн, стоило Кайсиню замолчать.

– Ах, это? – он раскрыл ладонь, демонстрируя смятый талисман.

Чжан Юн взял его и внимательно рассмотрел.

– Ими управляли. – сделал он вывод. – Мастер запрещенных темных искусств.

– Верно-верно! – воодушевленно согласился Кайсинь. Вид у него был такой, будто ему сообщили радостную весть. – Скорее всего их завезли вместе с тканями. В моем Дворце не держат цзянши даже для тренировок адептов.

– Нужно найти хозяина лавки. – сказала Умэй, припомнив, что все, у кого выпили ци, были одеты как крестьяне. Торговец тканями первым должен был попасть под удар, но, если Кайсинь не нашел его в лавке, и снаружи его не было, значит, исчез он раньше.

Этот случай не слишком взволновал Умэй. Цзянши – нечисть низшего порядка, для заклинателей, хоть немного поднявшихся на уровень выше начинающего, не представляют угрозы. Тем более, если их так мало. Семь штук – это несерьезно. Тот, кто управлял ими, явно не преследовал каких-то определенных целей. Это была проба сил. Учитывая, что внезапная болезнь императора породила сложные времена и вот-вот наступит хаос, появление очередного темного заклинателя не удивительно. Во времена смуты те, кто раньше и носа бы не высунул, получают полную свободу действий. Можно сказать, это был рядовой случай. Умэй не сомневалась, что адепты Дворца Мэйхуа справятся. Но тогда, сражаясь с цзянши, она краем глаза заметила высокую мужскую фигуру в черном. Лицо его было скрыто широкой шляпой доули с развевающейся плотной вуалью.

Через сливовую рощу они пробирались в полной темноте, ориентируясь лишь на огни Дворца. Кайсинь не замолкал ни на секунду. Его так обрадовала неожиданная встреча, что он, казалось, решил во что бы то ни стало поделиться со старыми знакомыми всеми новостями и известными ему историями. Время от времени Чжан Юн вставлял ядовитые комментарии, на которые младший господин Ли отвечал простодушным смехом.

Впереди меж деревьев заплясали огни фонарей.

– Кайсинь! – громогласный рев потряс рощу, и следом ему вторили два девичьих голоса:

– А-Синь! А-Синь!

Огни приближались, и голоса стали более различимы:

– Маленький засранец! Найду – ноги переломаяю! – ревел Ли Сидао.

Ли Хуахуа ласково попросила:

– Брат, не наказывай его строго.

– Наподдай ему как следует! – не была столь великодушна Ли Сяосин.

Ли Кайсинь, у которого, кажется, здравый смысл и инстинкт самосохранения отказали в самый решительный момент, крикнул:

– Я здесь!

Поняв, что их побег сейчас будет обнаружен, Умэй и Чжан Юн шагнули назад, увлекая за собой Сяо Сяо. Но было поздно. В несколько стремительных шагов Ли Сидао оказался прямо перед ними. Стоило свету тронуть их лица, бежать стало бесполезно.

Сидао шагнул к Кайсиню, гневно пожирая взглядом его, зеленое платье и остатки грима на скулах. Умэй вспомнила методы воспитания в своей семье. Она думала, что сейчас Сидао вlepит Кайсиню звонкую пощечину, и готовилась заблокировать удар, но тот лишь протянул руку и ухватил легкомысленного брата за ухо.

– Ай-ай-ай! Брат, я уже не маленький!

– Даже если женишься и детей наплодишь – буду за уши таскать, потому что ты балбес! – прорычал Сидао и оттянул Кайсиня себе за спину, почти бросив в руки сестер. Хуахуа принялась кудахтать над ним, ласково глядя по щеке и поправляя растрепавшиеся волосы. Сяосин, ударив его по плечу, беззлобно ругала.

– Госпожа Шань, – обратился Ли Сидао, – прошу прощения за него. Он младший, поэтому ему досталось больше любви, чем наставлений. Спасибо, что нашли его.

Умэй не понимала, действительно ли он подумал, что она покинула усадьбу, отправившись на поиски Кайсиня, или же просто подыграл. Поклонившись с усилием, которое не тронуло лица, она учтиво произнесла:

– Не заслуживаю благодарностей. И буду очень вам признательна, если никто не узнает об этом.

– Разумеется. – слегка склонился в ответ Сидао и бросил за спину: – Слышали, трещотки? Держите язык за зубами!

Очутившись в спальне, Умэй прогнала Сяо Сяо и плотно затворила дверь, давая понять, что никого видеть не хочет.

Только оставшись в одиночестве, она позволила себе упасть на кушетку из красного дерева и скривиться от боли. Тело сковало отчаянное желание замереть и не шевелиться, чтобы не тревожить разорванную плоть. Умэй заставила себя наклониться и приподнять юбки. Кровь к тому времени уже засохла и превратилась в багровые корки. Она вымыла ногу и перевязала уродливые следы от зубов.

С плечом было страшнее. Дрожащими руками Умэй размотала плащ и взглянула на огромное кровавое пятно. Самое незначительное движение правой рукой отдавалось мощным болевым импульсом в спину и голову, и глаза наполнились слезами. Остервенело Умэй смахнула их левой ладонью и сцепила зубы. Собственная никчемность раздражала ее. Одной рукой она яростными движениями пыталась развязать пояс, но ничего не выходило.

Она едва не свалилась на пол от испуга, когда сзади послышался изумленный вздох и раздосадованное:

– Ай-я...

Ли Кайсинь замер в оконном проеме, одна нога на раме, вторая – уже на полу комнаты. Умэй устроила себе головомойку: какой тетерей нужно быть, чтобы не услышать, как кто-то лезет в твоё окно?!

– Ты с ума сошел? – возмущенно огрызнулась она. – Третий этаж!

Ли Кайсинь забрался внутрь и задвинул створку.

– Почему ты никому не сказала? – спросил он, усаживаясь на корточки перед ней. Умэй хотела отодвинуться, но обнаружила, что ослабла настолько, что не может пошевелиться.

– Сама справлюсь. – буркнула она, отвернувшись.

Она едва не умерла на месте, когда Ли Кайсинь взял ее ногу, уложил себе на колени и задрал юбки.

– Убери свои руки! – зашипела Умэй. Она было дернулась, но плечо протестующе заныло.

– Приличия, черт возьми! Оставь мне хоть немного чести!

Ли Кайсинь размотал ее неумелую перевязку и покачал головой.

– Ты все сделала неправильно.

– Тоже мне, знаток! Сам-то, можно подумать, медицину изучал!

– Зато я знаю, что вместе со слюной тебе в кровь мог попасть трупный яд. Не говоря уже о темной энергии. Простой водой не вымоешь. – Ли Кайсинь порылся в висящем на поясе мешочке и извлек оттуда маленький пузырек с бесцветной жидкостью. – Вот! Сейчас все вылечим. У тебя такого нет?

Умэй покачала головой. Пусть она обучалась мастерству Дворца Уфэн с детства, на практике она применила его сегодня впервые. Она знала наизусть все категории нечисти и способы борьбы с ними, молниеносно создавала талисманы и даже побеждала тварей на тренировочной арене и в иллюзиях, созданных Старейшинами Уфэн. Но сегодня она в первый раз столкнулась с нечистью по-настоящему, без чуткого надзора старших и мастеров. Она не произнесла ни слова, но Кайсинь, казалось, понял все и так.

– Впервые, да? Понимаю. Когда брат взял меня с собой в первый раз, мне не повезло. Это был речной гуль, вот злая тварь, швырнул меня так, что я влетел в окно дома, перепугал всю семью. Ха-ха, дети так вопили, что у меня уши заложило! Я поднялся и попытался снова, но и тут не вышло. Видишь ли, тому гулю было немного все равно, что это мой первый опыт, и он решил меня утопить. С тех пор я, кстати, очень неплохо плаваю...

Он продолжал ласково бормотать какие-то бессвязные глупости, которые, по его мнению, должны были отвлечь Умэй. Но она упорно смотрела на его махинации с ее ногой. От жидкости из бутылки из раны хлынула кровавая, черноватая пена. Запах гнили заполнил комнату, и Умэй велела Кайсиню зажечь палочку ладана, чтобы на вонь не прибежала Сяо Сяо. Закончив с ногой, Кайсинь аккуратно наложил повязку.

– Спасибо. Дальше я сама. – Умэй недвусмысленно указала ему на дверь. Но, если хочет, он вполне мог выйти через окно. Здесь Умэй его свободу не ограничивала.

Она едва не схватилась за подсвечник, чтобы опустить его на голову Кайсиня, когда тот своими бесстыжими руками потянулся к ее поясу. Но даже угроза остаться с вмятиной в голове не остановила нахала.

Ситуация ужасала Умэй. Она едва может пошевелиться, в ее комнате мужчина, да еще и вертит ее, как ему вздумается. А она даже сопротивление оказать не может. Ей только и остается, что дрожать от бессильной ярости.

Кайсинь стянул с нее верхние одежды, но не решился коснуться нижних пао³⁰. Он осторожно отдирали прилипшую к ране ткань. Стиснув зубы, Умэй терпела, но в конечном итоге не выдержала. Сбросив с себя его руки, она рывком ослабила пояс и одним движением обнажила плечо. Болезненный выдох прорвался сквозь сжатые челюсти, но одновременно пришло и облегчение. Только теперь, увидев белоснежную кожу плеча, Кайсинь смутился. Он неловко кашлянул, отвернулся и протянул Умэй флакончик.

– Нет уж, теперь помогай, раз начал. – мстительно прошипела она.

³⁰ Халат

Запах крови и трупная вонь смешались с ладаном, и от такого специфического аромата Умэй чуть не вывернуло.

– Почему ты ничего не сказала своим друзьям? – спросил Кайсинь. – Они бы позаботились о тебе.

Умэй не сразу поняла, о ком он. Друзья ли они? Сяо Сяо – ее служанка, а Чжан Юн... Все же Умэй – молодая госпожа Дворца Уфэн, и адепт Чжан был скорее ее подопечным и подчиненным. Это не они должны заботиться о ней, а она о них. Что же до Умэй... Она не нуждается в заботе. Она прекрасно может справиться сама!

– Когда мы виделись в последний раз? Года три назад? – Умэй решила сменить тему.

– Два. – поправил Кайсинь. – Тебе было пятнадцать. Я – всего на год младше, а ты смотрела на меня, как на несмышленного младенца. Раньше ты всегда со мной играла, но в тот год ты отказывалась даже подбрасывать сестрице Хуа цветы от «тайного поклонника».

– Я выросла.

Ли Кайсинь улыбнулся ей снисходительно.

– То, что ты выглядишь, как взрослая девушка и отказываешься баловаться еще не значит, что ты выросла.

Умэй легонько шлепнула его по плечу.

– От кого я это слышу! – фыркнула она.

– Ай-я, не дерись! Взросление – страшная вещь, и я делаю все, чтобы сопротивляться ей. Быть взрослым мерзко. Когда повзрослеешь, уже никогда не будешь собой.

Умэй казалось, что он мелет какую-то чушь, но спорить не стала.

Ей пришлось вытащить руку из рукава и, сквозь боль и стыд, придерживая пао левой рукой у груди, вытянуть правую руку и позволить ее перевязать.

Жаровня к тому времени потухла, и ночная прохлада прокралась в спальню. Кайсинь, закончив с перевязкой, тут же отвернулся. Пока Умэй одевалась, он топтался у столика, где стояла жаровня с медленно дотлевающими угольками.

– Ты собираешься ее разжигать или нет? – спросила Умэй.

Кайсинь тихо рассмеялся. Он сделал небрежный пасс рукой, и ярко-красный всполох отделился от его ладони. В воздухе он обрел очертания крошечного алого птенца, будто только-только покрывшегося оперением. Умэй заинтересовалась. То, что Кайсинь использовал магию, говорило о том, что он уже сформировал достаточно прочное духовное ядро. Сама она, сколько ни старалась, сколько ни доводила себя до обмороков, так и не добилась подобного. Семья Ли издавна культивировала стихию огня, но уже несколько поколений члены клана отказывались от его разрушительной силы. Поэтому Умэй удивилась, когда Кайсинь приподнял крышечку жаровни, и птенец послушно чихнул туда всполохом огня.

– Кто тебя этому научил?

Птенец принялся подпрыгивать на своих коротких тонких лапках. Кайсинь играл с ним пальцем, то щелкая по клювику, то оглаживая полыхающий загривок.

– Сам научился. Он как живой, правда? Я зову его Хун-эр³¹.

Глупое имя, подумала Умэй. Неужели не мог придумать ничего лучше?

Она забралась на кровать и накрылась одеялом по самое горло. Выгонять Ли Кайсиня – дело тухлое. Этот мальчишка всегда делал то, что хотел, никого не слушая. В детстве он также пробирался к ней в комнату, и рукава его ханьфу были набиты сладостями³². Умэй ненавидела сладкое, и он приносил ей маньтоу. Они лопали угощения прямо на кровати, и, проворочавшись одну ночь на крошках, в следующий такой визит Умэй заставила его вытряхивать ее простыни. Они ловили золотых карпов в пруду у Дворца, а потом выпускали обратно, чтобы снова

³¹ # – красный, «эр» – уменьшительно-ласкательный суффикс. Иными словами, птицу буквально зовут «Красенький»

³² Китайские рукава пошиты так, что по сути являются большими карманами

поймать. Кайсинь однажды рухнул прямо в воду, вымокнув с ног до головы. Тогда он развесил одежды на ветках слив в роще и бегал по нагретой солнцем земле в одних смешных широких штанишках, на которых сам вышил мордочку лисы (причем узнать в его работе лису можно было только после того, как Кайсинь сам об этом поведает). Они вместе исследовали рощу. Нашли там лисью нору и таскали туда еду. Умэй приносила припрятанные с обеда кусочки мелко нарезанной говядины. Кайсинь клал у норы османтусовые конфеты, наивно полагая, что то, что так любит он сам, обязательно должно понравиться другим.

Эти воспоминания поглотили Умэй, как бездонная пучина, и она уснула. Она хотела попросить Кайсиня погасить свечи, но с губ сорвалось лишь невнятное бормотанье.

Кайсинь поднялся и задул огонь. Комната погрузилась во мрак, и только гудящее в жаровне пламя бросало причудливые блики на стены.

Глава 3. День солнечный, последний

В пятый день пятого месяца лунного календаря весь народ Юньнана высыпал на Солнечный причал, чтобы увидеть состязание гребцов на лодках.

Пурпурная река подобно зеленовато синей змее извивалась по землям провинции. Меж шумных улиц, тянувшихся вдоль канала, были перекинута мостики. Сегодня и они наполнились людьми, бойкие детишки перегибались через перила, грозя свалиться в реку прямо на участников торжественного парада.

Одетые в красные и золотые наряды, гребцы синхронно взмахивали веслами, и расписанные всеми возможными цветами лодки в форме драконов скользили по спокойной глади. В хвосте лодки торжественно вытянулись барабанщики. Они отбивали ритм, подобно сердцу, разгонявшему кровь в теле человека, и этому гулкому стуку подчинялся весь экипаж. Удар – взмах весел. Еще удар – взмах. Издалека казалось, что длинный чешуйчатый дракон рассекает воду своими когтями.

День стоял по-праздничному солнечный. Улицы наполнились теплом и запахом цзунцзы – клейкого риса, завернутого в бамбуковый лист.

В провинции Шаньси рек было мало, и предки семьи Шань основали Дворец Уфэн среди горных вершин. Поэтому Умэй, почти не покидавшая дом, никогда не видела праздника Дуань.

– Этот рис отвратителен. – проворчал Чжан Юн, сворачивая цзунцзы и пряча в рукавах.

Они брели по неширокой улочке вдоль канала. Сяо Сяо с удовольствием поедала все, что давала ей Умэй, подобно преданной собачонке, готовой и свинец проглотить из рук хозяина. По левую руку от них две драконьих лодки, нагруженные по сорок человек каждая, тянули в разные стороны канат. Плеск бешено работающих весел заглушало возбужденное улюлюканье толпы и бой барабанов. Справа выстроились лавки бойких торгашей с горящими предчувствием скорой наживы глазами. Их алчные похвалы товару перекрикивали даже барабаны.

Умэй чувствовала себя так, будто выпила кувшин уксуса. Она ненавидела шумную беснующуюся толпу, но куда больше ярости в ней вызывал собственный внешний вид. Посланные матерью служанки подняли ее до рассвета, чтобы отдраить, причесать и обрядить, как фарфоровую куклу. Мать хотела, чтобы сегодня Умэй «совершенно очаровала господина Ли, да так, чтобы он и думать забыл о существовании других женщин». Умэй покорно кивнула, придержав при себе сомнения относительно своего обаяния.

Поддаваясь на уговоры лавочников, она покупала сладости, но они не поднимали ей настроения и не отпугивали тошноту, а потому, едва тронутые, тут же оказывались в руках Сяо Сяо.

– В чем радость потеть и махать веслами по такой жаре? – спросила Сяо Сяо. – Какие странные! Человек утопился, а они на лодках от счастья гоняются. Хорошо еще, что не бросают в воду еду и не льют вино – только речных тварей бы приманили!³³

Умэй посмотрела на напряженные, покрасневшие лица гребцов и подумала, что предпочла бы сидеть там.

На центральной улице, там, где река расширялась и достигала почти сотню чжан, были возведены подмости под навесом из нежно-персикового шелка с узором из цветов. На низких столиках слуги разложили фрукты и кувшины с вином. И треклятые цзунцзы.

В самом центре расположились главы Шань и Ли, рядом – их жены. Следующие места отводились сыновьям, по краям полукруга сидели дочери. Си-эр и Янь-эр обрядились в свои

³³ Речь идет об утопившемся поэте Цюй Юане. Народ, любивший его, на лодках искал в воде тело поэта. Чтобы отпугнуть злых духов, лодки были сделаны в форме драконов. Люди также бросали в воду еду и лили вино.

самые вычурные и броские наряды (Умэй через тонкие стены прекрасно слышала, как они едва не подрались за них). Ли Хуахуа и Ли Сяосин выглядели скромнее и вели себя тише. В их поведении ощущалась степенная и благородная манера, которую так старалась привить – безрезультатно – своим дочерям Шань Бучжэнь. Братья Умэй, Шань Чангэн и Шань Цисюань, делали вид, что поглощены подготовкой к самому зрелищному заплыву этого дня, изредка перебрасываясь скупыми фразами. Кайсинь что-то увлеченно рассказывал Сидао, и занесенная рука с чаркой застыла на полпути. Сидао слушал молча, иногда кивая, и неторопливо подцеплял палочками рис.

Кайсинь наконец замолчал, осушил чарку и поднял глаза. Увидев Умэй, он вдруг закашлялся. Сидао похлопал его по спине.

Отношения братьев простыми было не назвать. Разные, как курица и утка, они совсем не понимали друг друга. Но любили.

На днях Умэй стала свидетельницей ссоры между ними.

Она прогуливалась по Дворцу Мэйхуа, когда услышала отчаянное:

– Не хочу!

Узнав голос, Умэй поспешила узнать, что происходит. Сяо Сяо спешно семенила следом, как привязанная.

На площадке напротив друг друга стояли Сидао и Кайсинь. Первый дымился от ярости, у второго же вид был крайне решительный. Между ними лежал предмет раздора – меч Кайсиня.

– Я ненавижу это! Не заставляй меня! – почти кричал Кайсинь. – Не думай, что, раз родился на шесть лет раньше, можешь командовать!

– Как ты можешь быть таким наивным, чтобы не понимать?! Детство кончилось, родители будут рядом не всегда, ты должен уметь защитить себя!

– От кого?! Кто может нам навредить? Другие Дворцы? Что они нам сделают – сожгут поместье и убьют всех здесь?!

Умэй не стала вмешиваться, но вечером, наткнувшись на Кайсиня в саду, не преминула заметить:

– Младшему господину Ли не стоит спорить со старшими. Они добра желают.

– Они желают отобрать лучшие годы моей молодости!

– Не будете усердно трудиться сейчас, потом будете жалеть.

– Нам если сегодня не веселиться, с лунами дни уйдут безвозвратно³⁴. – продекламировал Кайсинь.

Умэй в долгу не осталась:

– Но надо не гнаться за наслаждением, а думать всегда о собственном долге³⁵. Эти строки идут следом, но молодой господин, кажется, оставил их без внимания.

Очнувшись от воспоминаний, Умэй прошла на платформу.

Между Кайсином и Хуахуа пустовал один столик. Умэй поняла, что это место – как можно ближе к старшему господину Ли – выклянчила для нее мать. Она опустилась за него, Сяо Сяо устроилась за ее спиной, готовая выполнить любую прихоть госпожи. Чжан Юна подозвал к себе Шань Лиши. Сказав ему что-то приветливое, он усадил старшего ученика чуть позади себя. Умэй смотрела на них и думала, что отец никогда не улыбался ей так, как Чжан Юну. Никогда не смотрел на нее так – с гордостью и одобрением, и неважно, как упорно она старалась. Что-то похожее на ревность и злость зашевелилось в ней, и она не заметила, что Кайсинь придвинулся к ней ближе и наполняет ее чарку рисовым вином.

– Госпожа Шань сегодня ослепительна, как первое цветение сливы. – улыбнулся он. – Уверен, ни один поэт, если он не слеп, не смог бы удержаться и не воспеть ее красоты.

³⁴ Из «Песен царства Тан» пер. Л. Эйдлины

³⁵ Там же

Умэй лукаво прищурилась.

– Что, выпил вина – и мир стал краше?

Кайсинь беззвучно рассмеялся.

– А раз и небо, и земля так любят честное вино – то собутыльникам моим стыдиться было бы грешно.³⁶

Умэй сделала вид, что ее очень занимает представление.

С подмостков открывался прекрасный вид на речные просторы. Драконьи лодки мерно покачивались, подталкиваемые легкой рябью. Торжественно громыхали барабаны. Мимо проплывали лодки, не участвовавшие в соревновании. Короткие и вместившие в себе всего с полдесятка человек, они были украшены паланкинами, лентами, красными с золотой вышивкой знаменами. Мощные драконьи головы грозно распахивали пасть.

– Мммм, какая вкуснотища! – воскликнул Кайсинь под ухом. – Мэй-Мэй, ты просто обязана это попробовать! Вот, хочешь креветочку?

– Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

– Тебе с соусом?

– Да, с соусом.

Ли Кайсинь потянулся, обмакнул креветку и положил ее на тарелку перед Умэй. Хозяиничает за ее столом – где манеры у этого человека?

– А-Синь, бессовестный ты проказник. – упрекнула его Сяосин. – За будущей невесткой присматривает, а о сестре и думать забыл?

– Сестрица сидит слишком далеко, я могу только бросить что-нибудь в нее!

Умэй не знала, куда себя деть, когда этот бесстыдник действительно схватил фейхоа и швырнул в сестру. Со смехом Сяосин поймала подношение и показала брату язык. Хуахуа слегка дернула ее за рукав, призывая успокоиться, но Сяосин отмахнулась от нее. Инстинктивно Умэй стрельнула глазами в сторону главы семьи Ли, но он наблюдал за проказами с улыбкой.

– Госпожа, бросьте тоже что-нибудь! – шепнула Сяо Сяо, наклонившись к Умэй. Служанке подобные выходки отпрысков Ли пришлись по вкусу, и она тихо хихикала, похлопывая в ладоши.

Умэй часто испытывала острое желание запульнуть кому-нибудь в лоб что-нибудь весомее фейхоа, но знала, что никогда не позволит себе подобного. Она села прямее, сложила руки на коленях и велела Сяо Сяо не маяться дурью. Скверное воспитание окружающих еще не позволяет ей вести себя, как захочется.

Шань Цинцао с важным видом что-то наставительно нашептывала Шань Бучжэнь, и та смиренно выслушивала. Главы Дворцов Ли и Шань вели меж собой те самые мужские беседы, слушать которые женщинам не полагалось. Чжан Юн иногда высказывался. Его выслушивали с полной серьезностью и кивали. Умэй отвернулась, чтобы не портить себе настроение окончательно.

Смуглый коротышка ударил в гонг, и состязание началось. Красочные драконы энергично заработали лапами и пролетели мимо помоста. Умэй оставалось только глядеть им вслед и гадать, кто вырвется вперед. Не торопясь проходили не участвовавшие в гонке праздничные суденышки. Тысячи рук махали им с берега, и тысячи голосов выкрикивали слова одобрения. Буйство красок уже приелось, а от шума заболела голова, и Умэй заскучала.

– Нет зрелища печальнее на свете, чем грустное лицо красавицы. – изрек Ли Кайсинь со скорбным вздохом, а затем, наклонившись, заговорщески прошептал. – Я мог бы показать тебе город – с лодки он был бы особенно красив.

Умэй хотела отвадить его, но тут в ней заиграл азарт:

³⁶ Ли Бо, поэт эпохи Тан.

– И чего ты ждешь? – подначила она его. – Ты мужчина или нет? Сказал – делай.

Кайсинь улыбнулся широко и лукаво, а потом вдруг покачнулся и упал лицом в миску с рисом. Эта диверсия не осталась без внимания, и взгляды всех присутствующих (открыто или исподтишка) обратились к нему. Ли Кайсинь выдержал драматичную паузу, а потом, поднявшись, во всеуслышанье провозгласил:

– О, славный Ду Кан³⁷!

И с задумчивым видом принялся отклеивать от лица рисинки. Некоторые он, не стесняясь, отправлял себе в рот. Сидео с мрачным видом убрал со стола брата вино. Но было поздно: этот новоявленный пьянчуга попытался подняться на ноги. Попутно он наступил на рукав Сидео, едва не опрокинул стол и оперся о плечо Умэй. Не желая быть безмолвным зрителем, она решила подыграть:

– Господин Ли, кажется, вы перебрали.

– Разве? – искренне усомнился Кайсинь.

– Определенно. – стояла на своем Умэй.

Сидео не выдержал. Поднявшись, он схватил брата за плечо, рывком развернул к себе – Кайсинь пошатнулся и чуть не рухнул в медвежьи объятия – и прошипел:

– Прекрати позориться. Возвращайся домой и проспись.

Ли Кайсинь нахохлился, как обиженный ребенок, вытер рукавом нос и заявил:

– Мэй-Мэй меня проводит.

Сидео на краткий миг обратился глазами к Умэй, и твердо возразил:

– Я позову прислугу.

– Ни за что! – возмутился Кайсинь. – Я пойду только с...

– Позвольте, я отведу его. – Умэй поднялась и придержала шатающегося Кайсиня за локоть. Сидео колебался, и она добавила. – Мне не в тягость. Капризам выпившего человека порой приходится следовать не меньше, чем желаниям больного.

Выдернув в собой Сяо Сяо, чтобы ни в коем случае не остаться наедине с женщиной и не довести тем самым мать до обморока, Умэй увела Кайсиня с помоста. До тех пор, пока они не скрылись из виду, она почти волокла его – Кайсинь повис, как мартышка.

– Хватит придуриваться, нас уже не видно. – буркнула Умэй, отталкивая его от себя.

– Госпожа, это... – осеклась Сяо Сяо, когда на ее глазах пьяный как сотня демонов Кайсинь вдруг твердо встал на ноги и перестал невнятно бормотать и шмыгать носом.

– Мэй-Мэй, где же твоя благодарность? – надулся он. – Я вытащил тебя из плена светских церемоний, да еще и обставил все так, что я просто пьяный дурень, а ты – воплощение терпения, милосердия и добродетели!

Проигнорировав его выпад, Умэй обернулась к Сяо Сяо:

– Этот балбес обещал мне раздобыть лодку. Ты с нами?

Сяо Сяо, не до конца понимающая, что происходит, энергично закивала. Кайсинь повел их по узким безлюдным улочкам меж жилых домов. Умэй запачкала подол ханьфу в грязи, что уж говорить о шелковых туфлях – они пришли в негодность после первых десяти шагов. Она уже пожалела, что доверилась Ли Кайсиню, как вдруг они свернули в знакомый ей проулок.

– Госпожа, это же тот театр! – воскликнула Сяо Сяо, дернув Умэй за рукав. – Тот, где господин Ли выступал в женском платье!

Умэй спокойно отняла у нее свою руку, справедливо опасаясь, что что в эмоциональном порыве Сяо Сяо оторвет ей рукав.

На театральных подмостках актеры разыгрывали пьесу о поэте Цюй Юане. Сегодня зрителей было меньше, чем когда Умэй приходила сюда вместе с Сяо Сяо и Чжан Юном – почти

³⁷ Один из китайских богов-покровителей виноделия

все горожане высыпали на причал, мосты и улицы вдоль канала, чтобы увидеть фестиваль драконьих лодок.

Кайсинь протащил Умэй и Сяо Сяо в гримерную. Там, в тесноте и духоте, они обрядились в одежду бедняков. Грубая ткань мужского ханьфу легла на тело Умэй бесформенным мешком. Она безжалостно сломала сложную прическу и связала угольно черные волосы в узел. Кайсинь вытащил коронку, придерживавшую собранную часть волос, и надел соломенную шляпу. Лицо он щедро замазал гримом, и оно приобрело болезненно-желтый оттенок. Умэй разукрасила Сяо Сяо так, что сама бы не узнала, встретив в таком виде на улице. Из миниатюрной розово-щекой девчушки она превратилась в неопрятного мальчишку-заморыша. Нарисовав себе углем брови, Умэй вышла из-за бамбуковой ширмы. Кайсинь уже клеил себе коротенькую бородку.

– Славная щетина. – усмехнулась Умэй.

– Чудный уголек. – не остался в долгу младший господин Ли.

Умэй улынулась и опустила взгляд. В глаза ей тут же бросилась бледность рук в сравнении с нездоровой желтоватостью лица.

Вздыхнув, Умэй приблизилась и взяла руку Кайсиня в свои.

– Про кисти забыл. – сказала она, обмакивая пальцы в грим.

Мелкими мазками она осторожно обмазала теплую ладонь и длинные изящные пальцы. Левую ладонь Ли Кайсиня пересекала тоненькая полоска шрама, а у большого пальца стояла забавная клякса родимого пятна. Кайсинь замер и затаил дыхание. Ощувив, как задрожали его руки, Умэй подняла глаза. Кайсинь тут же опустил взгляд. Отчего-то смутившись, Умэй выпустила из рук его ладони.

На причале Кайсиню пришлось отсыпать добрые пять лян серебром, чтобы плосколицый жилистый лодочник уступил им свою лодку. Краска на ней потускнела и местами облазила. Умэй считала, что он заплатил неоправданно большую цену за эту старую развалюху, но младший господин Ли был ею доволен:

– Подумаешь, дракон немного сбросил чешую – все рептилии так делают!

«Дракон» их был беззубый и слепой на один глаз, но мало того, Кайсинь принялся усиленно натирать еще чудом зрячее око, уверяя:

– Если потереть глаз дракона, то плаванье будет удачным!

Их хлипкое суденышко раскачивалось от каждого неосторожного движения – с тем же успехом они могли просто сколотить себе плот. У причала Умэй чувствовала себя уверенно, но, чем дальше углублялась лодка в речные просторы, тем сильнее сводило ноги от желания ощутить под ними твердую землю. Кайсинь стоял у кормы, изредка лениво помахивая веслом – течение само несло их. Умэй смотрела на плещущуюся воду, и вместо умиротворения ощущала тошноту. Сяо Сяо восторженно глядела по сторонам, бросаясь от одного борта к другому в попытке обозреть округу со всех сторон. Лодка трепетала, скрипела и раскачивалась. Умэй вцепилась в гнилой борт так, что костяшки пальцев побелели. Живот скрутило от мысли, сколько чжанов сейчас под ними. Как далеко до дна? Что спрячется там, под толщей воды? Что, если оно уже протягивает к этой рухляди свои клешни? Если лодка перевернется?

Умэй поймала себя на том, что с силой сжала запястье Сяо Сяо. Служанка и не думала жаловаться, но Умэй пристыженно одернула руку и смяла подол ханьфу.

– Смотри, Мэй-Мэй, там наши семьи. – Кайсинь указал на правый берег, где возвышался праздничный помост.

Сердце у Умэй подпрыгнуло, но лодка спокойно прошла мимо, и ее пассажиры остались не узнаны. Никто даже не взглянул на них. Умэй отвернулась от платформы. Стать невидимкой для людей, сидящих там, показалось ей очень заманчивым. И не потому, что ощущение опасности будоражило. Обрядиться в нищего юношу и отправиться в долгое путешествие – от Юньнана добраться до столицы, оттуда податься в Гуанчжоу, побывать в Сянгане и Шанхае, заглянуть в Сиань и обосноваться ненадолго в Куньмине. Метаться по всей Поднебесной, как

лист на ветру – куда повеет, туда и мчаться. Заманчиво. Но, это лишь на сегодня, до первых закатных лучей она свободна. Уже вечером придется снова облачиться в госпожу Шань.

Закрыв вид на помост, с ними поравнялась богато украшенная лодка.

Трое адептов Дворца Мэйхуа в серо-серебряных дорогих одеждах впились в них взглядом, как хищный ястреб в прикованную к земле мышь. Кроме них, в лодке сидели двое слуг, работавшие веслами.

По спине Умэй проскользнуло напряжение. Она опустила голову, избегая смотреть на адептов, и заставила Сяо Сяо отвернуться. Облегченный выдох застрял у нее в груди, когда нарядная лодка почти обогнала их, а Кайсинь, вдруг забывшись, помахал адептам своего Дворца рукой. Трое, будто только этого и ждали, велели прислуге работать веслами против течения, и две лодки снова поравнялись.

Высокий юноша с изящным станом и смазливой физиономией самодовольно обмахивался веером. Двое подпевал, один с неприлично крупным носом, а второй с глуповатыми круглыми глазами, стояли чуть позади. Красавчик заговорил первым:

– Дорогие друзья, прошу вас причалить к берегу и больше не оскорблять честных горожан своим видом. В противном случае мы, адепты Дворца Мэйхуа, будем вынуждены навести порядок.

Кайсинь приподнял шляпу, чтобы лучше видеть собеседника:

– Сегодня чудесный день, почему же нам нельзя насладиться им?

Умэй поднялась и дернула его за рукав.

– Просим прощения, господа. Мой... брат не видит, с кем говорит. – прохрипела она, стараясь сделать голос грубее.

Сяо Сяо подскочила на ноги, носом почуяв, что госпожа нуждается в ней.

– Все я прекрасно вижу. – возразил Кайсинь, взяв ее за запястье. – У старшего господина чудный веер. У него явно хороший вкус, и думаю, нам есть о чем поговорить.

Красавчик растянул губы в сладкой насмешке и резким нервным движением захлопнул веер.

– Этот благородный человек в лохмотьях мнит себя равным мне? Я верно все услышал?

Его спутники были менее лицемерны. Носатый гаркнул:

– Убирайтесь с дороги, вонючие выродки, иначе мы наделаем в вашей посудине дыр!

– Грязь вроде вас должна прятаться, чтоб не попадаться на глаза честным людям!

Приветливая улыбка застыла на губах Кайсиня. Он склонил голову с видом, будто Носатый говорил на другом наречии, и он его не понял:

– М?

Умэй не намерена была продолжать неприятную беседу. Она подняла весло, и, извинившись низким поклоном, повела лодку прочь. Спустя какое-то время Кайсинь преодолел замешательство и забрал у нее весло.

Они плыли молча. Умэй сложила руки на груди и раздраженно теребила грубую холщовую ткань одежд. Она не сразу заметила, что их недавние обидчики настойчиво преследуют лодку. Умэй не успела и слова сказать – чужое судно кормой протаранило их борт. Все трое покачнулись, едва удержавшись на ногах. Лодка раскачивалась, как подвесной мост. Умэй успела ухватить Сяо Сяо за шиворот, пока она не плюхнулась за борт.

Кайсинь направил поток ци в ногу и ударил по лодке обидчиков, отчего та покачнулась. А он неплох, оценила Умэй. Адепты Мэйхуа не стали восхищаться его талантом. Тот факт, что бродяга в лохмотьях способен использовать боевую ци, должен был образумить их. Но ярость вуалью легла на глаза, мешая оценить ситуацию.

– Ты!..

– Простите нас, недостойных, господа! – Кайсинь снял шляпу и робко мял ее в руках, но ни на лице, ни в словах не было и тени раскаяния. – Это вышло случайно! Право, у этого ничтожного³⁸ просто кривые руки.

– Поганое отродье! Я!.. – Носатый инстинктивно потянулся к поясу, где обычно в ножнах покоился меч, но пальцы его сжали пустоту.

Что за недоучки, подумала Умэй, какой заклинатель не носит с собой меча?

– Твоему отцу стоит внимательнее набирать учеников. – бросила она Кайсиню.

Ответить он не успел – Носатый прыгнул.

Слуги замахали веслами, чтобы лодки не разделились и их господин не рухнул в воду. Лодка едва не перевернулась, когда на одного пассажира в ней стало больше. Кайсинь обменялся с Носатым серией ударов. В лодке вновь осталось трое. Носатый растерянно барахтался в воде. Умэй не намерена была отправиться следом. Уперевшись веслом в борт, она оттолкнулась и перебросила себя на чужую лодку, попутно ногами сбивая Пучеглазого. Красавчик был против такого расклада вещей. Об этом он попытался сообщить, раскрыв веер – Умэй ясно услышала металлический звон вшитых в него режущих пластин. Но показать себя во всей красе адепт не успел. Умэй огрела его веслом, расшибив лицо. Красавчик потерял право таким зваться.

Носатый в это время победил чувство оскорбленной гордости, и теперь преследовал лодку с настойчивостью хищной рыбы. Неплохо плавает, оценила Умэй, неудивительно, ведь он рос близ воды. Сама она могла бы только камнем уйти на дно.

Носатый раскачивал лодку, подныривая под нее, выныривая с другой стороны. Кайсинь держал равновесие, лупя веслом по воде там, где выныривал Носатый. Сяо Сяо предприняла дерзкую выходку: прыгнула вслед за госпожой. Уже когда ноги ее оторвались от борта, Умэй поняла – не допрыгнет. Она бросилась подхватить ее, но за ногу ее ухватил очнувшийся Пучеглаз. Пошатнувшись, Умэй упала. Сяо Сяо оказалась в воде. Она барахталась и пыталась кричать, но вода заливалась ей в нос, рот, заглушая вопль. Течение уносило грим, волосы растрепались.

Умэй пнула Пучеглазого, но хватка его не ослабла. Он уселся на нее сверху и замахнулся. Умэй извернулась, кулак врезался в дерево, оставив там вмятину. Умэй высвободила прижатую чужим коленом руку и, собрав в ладони ци, нанесла несколько ударов – в грудь, в тазобедренный сустав, и снова в грудь. Пучеглазого отбросило от нее. Содрогаясь от боли и схаркивая кровь, он остался лежать. Умэй с усилием поднялась. Слуги суетились, пытаясь вытащить своего господина из воды.

Носатый вытаскиваться не хотел. Он схватился за Сяо Сяо, когда Кайсинь протянул ей весло и потянул обратно в лодку. Мгновение – Кайсинь и Сяо Сяо обменялись взглядами. Младший господин Ли кивнул, и Сяо Сяо резко ушла в сторону. Кайсинь выбросил весло вперед, и лопасть впечаталась в лоб Носатому.

Пока Кайсинь втаскивал в лодку Сяо Сяо и бессознательное тело адепта, Красавчик с расплющенной физиономией пришел в себя. Он снова раскрыл веер, но и в этот раз ему не повезло пустить его в ход. Умэй прокрутила в руках свое грозное оружие и опустила его на голову противника. Позади раздался грохот упавшего тела. Сразив одного противника, Умэй и не заметила, как черенок весла вывел из стоя очнувшегося Пучеглазого. Дворец и мастер могут гордиться мной, подумала Умэй со смешком, одним ударом сражаю сразу двух.

Трое господ валялись беспомощными тушками, и перепуганные до смерти слуги затравленно глядели на троих оборванцев, отделавших уважаемых адептов одного из крупнейших Дворцов Поднебесной.

³⁸ Крайне вежливая форма общения, при которой о себе говорят в третьем лице

– Мы – пираты великих рек! – провозгласил Кайсинь, победоносно подняв свое оружие.
– Это судно захвачено!

Обе лодки они пришвартовали на причале у самой окраины города. Уже вечерело, и по всему Юйси загорались фонари. К тому моменту, как адепты начали приходить в себя, трое нищих уже скрылись в темном проулке, а затем смешались с толпой на оживленной торговой улице, обсуждая, что после водного побоища те важные господа подумают, прежде чем задирать бедняков.

Намокшие и уставшие, они шли, пошатываясь и держась друг за друга, чтобы не упасть. Прохожие оборачивались на них: праздничным настроением были объята все, но таких счастливых бедняков никому еще не доводилось видеть. Умэй и не помнила, когда последний раз так смеялась. На глазах у нее выступили слезы, и тянущаяся к самому центру Юйси улица смазалась, превратившись в небрежный набросок кисти на шелке. Это зрелище показалось Умэй таким красивым, что защемило сердце. Она крепче сжала руку Сяо Сяо и почти завалилась на Кайсиня, бесстыдно устроив голову у него на плече.

Через сливовый сад они пробирались почти в полной темноте. С бешено колотящимся сердцем они бежали по ступеням и мосту, перекинутому от главного павильона до того, где разместили гостей. Топот ног смешивался с гулкими ударами сердца, прерывистым дыханием и тихим, сдавленным смехом. Оказавшись во внутреннем саду их двора, Умэй и Сяо Сяо торопливо бросились к покоям. Сяо Сяо уже влетела по ступеням и скрылась в павильоне, когда Кайсинь вдруг схватил Умэй за руку и потянул на себя.

Она вопросительно подняла бровь, но Кайсинь ничего не сказал. На лице у него отразились все его сомнения, а после во взгляде сверкнула решимость. Будто внезапно осмелев, он приблизился к Умэй смелым рывком, но тут же замер. Глаза у него растерянно бродили по лицу Умэй – он сам не понимал, что собирается сделать. Расстояние, разделявшее их, было за гранью приличия: на лице Умэй ощущала чужое сбившееся дыхание. Собравшись и спрятав волнение за улыбкой, она отпихнула Кайсиня от себя:

– Что это ты хотел сделать? Забыл уже, как выглядишь?

Ли Кайсинь растерянно покачал головой и провел рукой по лицу, отрывая от щек и подбородка наклеенную бороду.

– Госпожа! Скорее, если вас увидят в таком виде... – подала голос Сяо Сяо, возникшая в дверном проеме.

Умэй кивнула Кайсиню и вошла в павильон. Спиной она чувствовала чужой взгляд, и, даже когда Сяо Сяо затворила дверь, знала – он все еще стоит там, на улице, и смотрит на едва заметные сквозь перегородку тени.

– Хоть слово скажешь Чжан Юну – и я перестану с тобой разговаривать. – пригрозила Умэй Сяо Сяо. – Он и так мнит себе, что все обо мне знает лучше меня.

Сяо Сяо рассыпалась заверениями, что никто ничего не узнает о сегодняшнем дне.

Умэй успела вымыться и переодеться в голубое ханьфу, когда в дверь ее покоев постучали. Она уже знала, кто стоит за дверью, и совсем не удивилась, увидев Чжан Юна.

Глава 4. Дорогу идущий осилит

Настоящее

Шел восьмой год правления шестнадцатого императора Чжоу, и Шань Умэй возвращалась домой.

Путь ее лежал из оживленной шумной провинции Сычуань до пустынных промерзлых земель севера.

Провинция Шанси лежала у северных границ Поднебесной и принимала на себя удары холода, голода и кочевников. Улицы городов были пустыни, лишь морозный ветер гулял по ним. Снег лежал редкими тонкими пластами, отвердевший и колкий, как лед. Серый туман стелился меж маленьких бедных жилищ, а солнце не показывалось до самого вечера, до последнего мига, когда, окрасив все в багровый, сменялось ночным светилом.

Умэй едва не загнала лошадь, забывшись в своем стремлении скорей достичь цели. Девять лет! Девять лет прошло прежде, чем она наконец может ступить на родную землю. У склона хребта Бучжэн ей пришлось спешиться и проделать остаток пути на мече.

Ее родовое гнездо, Дворец Уфэн, находился меж четырех пиков, под надежной защитой каменных великанов. Четыре горы были названы в честь четырех элементов: огня, земли, дерева, металла. Сам Дворец звался пятым пиков и символизировал собой воду – элемент, традиционно культивирующийся членами семьи Шань. Величественное строение из черного камня за долгие годы, что семья Шань защищала покой страны от врагов с севера и нечисти, ни разу не открыло своих ворот для недругов. Лишь однажды, девять лет назад этой крепости пришлось капитулировать. Но не до конца. И даже тогда нога неприятеля не ступила за пределы дамэня³⁹.

У дамэня не было ни одного стражника. Иероглиф «счастье», украшавший парадный вход, выглядел злой насмешкой. Ворота отворились с тихим скрипом. Как можно тише Умэй пробралась внутрь.

Ее дом превратился в семейный склеп. Ни звуков, ни голосов – гнетущее молчание смерти, достойное спрятанной меж горных вершин могилы. Снег походил на пепел. Запустение, царившее в некогда переполненном поместье, выпивало из Умэй все силы. Она чувствовала себя такой же опустошенной, как и стены этого дома. В ее груди зияла черная бездонная яма, засасывающая в себя все в отчаянной и безнадежной попытке заполниться чем-то.

Умэй медленно прошла по крытым переходам. Провела рукой по перилам, смахивая пыль. Раньше здесь суетливо носилась прислуга, теперь коридоры были пусты и бездыханны.

Хвост тигра – так называлась пристройка с северной стороны главного дома, где отец часами просиживал в одиночестве, читая письма от глав других северных Дворцов и указания с императорской печатью. На столе все еще стояли догоревшие свечи. Умэй открыла двери, впуская тусклый мертвый свет закрытого тучами солнца. Собрала разбросанные по полу листки бумаги. Провела кончиками пальцев по кисти, деревянному столу, спинке кресла, представляя, что отец все еще сидит здесь, окунает кисть в тушь и выводит аккуратные иероглифы.

Умэй не узнавала многочисленные коридоры, не узнавала свою комнату и покои сестер и матери. Из них ушел свет, а в воздухе кружилась пыль. Все краски выцвели, а стены больше не защищали от холода. Он забирался в самые отдаленные углы усадьбы, превращая ее в стылую пещеру с заснеженных вершин гор.

В покои братьев Умэй никогда не ступала. И теперь она простояла у их дверей, прижавшись к ним ухом и слушая режущее уши безмолвие.

³⁹ Главные ворота

Последним, что она посетила, был храм предков. На алтаре возвышались погребальные таблички членов ее семьи.

Умэй омертвевшими от холода пальцами зажгла свечи и палочки благовоний. Опустившись на колени, она поклонилась родителям, братьям и сестрам. Замерла. Ей нечего было сказать им. Просить прощения? Сказать, что старается изо всех сил? Что бы она ни сделала, этого никогда не будет достаточно. Что сказал бы отец, увидев, во что она превратила их родовое поместье? Увидев, какую жизнь она проживает?

– Умэй?

Знакомый голос вывел Умэй из транса и сбросил обратно, на твердый ледяной пол могилы ее близких.

Умэй медленно поднялась и обернулась.

Встречу с этим человеком она откладывала так долго, как только могла. Ее жег стыд. За все, чему она ему обязана.

Чэнь Цинхэ⁴⁰ был сыном главы Дворца Бэйху⁴¹ и ее верным другом, последним во всем мире. Умэй не видела его много лет. Она помнила Цинхэ еще неказистым нелепым юношей. Он не вырос прекрасным тигром, способным пленить сердца тысяч дев, но вытянулся и возмужал. Теперь Умэй едва достала бы ему до плеча.

С горечью она подумала о том, что господин Чэнь должен покорять Поднебесную своим мастерством, или жениться и обустроить дом, полный тепла и будничной суеты. Или исполнять сыновий долг, ведь его родители еще живы. Но вместо этого он похоронил себя здесь, рядом с ее семьей, и так он отплатил ей лишь за то, что однажды она проявила к нему участие.

– Ох, Умэй, как же ты похудела! Неужели в столице нечего есть? – воскликнул Цинхэ и порывисто прижал Умэй к себе. Вот и еще одна вещь, за которую ей было перед ним стыдно: он ничего не знал о девяти годах в Тяньбао. Умэй убедила его, что должна неотлучно быть в Лояне при императоре.

Ее бросило в дрожь от того, что слишком теплым и слишком живым он был для этого места. Свеча, поделившись своим огнем с тысячей других, не станет гореть слабее. Но Умэй боялась, что Цинхэ когда-нибудь потухнет. Что горе, превратившее ее дом в заброшенную пустошь, выпьет до дна и его.

– Я рада видеть тебя. – сказала Умэй. Это была правда, но звучала она сухо и безжизненно.

Цинхэ было довольно и этого. Он ослепительно улыбнулся и крепко сжал ее длинную белую ладонь.

– Идем-идем, скорей! Все будут так рады видеть тебя!

Время близилось к вечеру. Умэй вместе с Цинхэ отправились к тренировочным платформам.

Ряды адептов Дворца Уфэн заметно поредели. Посеревшее лицо Цинхэ, когда Умэй спросила его о делах Дворца, многое сказало ей. Но картина, представшая глазам, была действительно угнетающей. Разве эти тощие, еле живые доходяги в поношенной темно-синей форме похожи на адептов одного из сильнейших Дворцов? Пусть Уфэн никогда не был слишком богат, но всегда почитался как один из влиятельнейших и уважаемых Дворцов.

Адепты поклонились Чэнь Цинхэ, и откуда-то с задних рядов вырвалось робкое «приветствуем главу». Цинхэ виновато, как нашкодивший пес, глянул на Умэй, но она не изменилась в лице. Ее не было почти десятилетие. Кроме того, она женщина. Неудивительно, что встретили ее прохладно. Пусть она дочь их главы и последняя его наследница... где же она была все эти годы? И должны ли они, гордые адепты Дворца Уфэн, раскланиваться перед женщиной? Умэй

⁴⁰ ###. ## – имя, означающее «чистая река»

⁴¹ ## – «защита севера»

оставалось лишь порадоваться, что чужака из другого Дворца адепты и Старейшины встретили тепло, пусть и лишь потому, что не принимали ее саму.

Вернувшись в поместье, Цинхэ провел Умэй к западному павильону.

– Я не решился трогать кабинет твоего отца. Поэтому работал здесь.

Цинхэ распахнул дверь и впустил Умэй в тесную комнатку, которую раньше использовал слуги как инвентарную. Все пространство занимали шкаф, стол и стертая подушка, на которой на коленях просиживал вечера Чэнь Цинхэ. Умэй кивнула ему и дала знак оставить ее одну. Им многое нужно было обсудить, но Умэй малодушно оттягивала этот момент.

Она перебрала все бумаги. Перечитала записи и подсчеты за последние девять лет. Тень легла на ее холодное хищное лицо. За прошедшие годы север пережил четыре кочевых набега. Полное разорение близлежащих деревень. Теперь не жители платили Дворцу за покровительство и защиту, а Дворцу Уфэн пришлось восстанавливать поселения за счет своих запасов. Ежегодная проверка из столицы и урезанное вдвое императорское жалование – условия, на которые Умэй согласилась, чтобы ее дом не сравнили с землей. Здесь цифры вдруг уменьшались, и Умэй понимала: столичные чиновники находили новые «признаки мятежа» во Дворце-предателе. Это выжженое на семье Шань клеймо давало чиновникам возможность шантажировать Цинхэ тем, что императору на стол ляжет сообщение о новом бунте, который замышляет Дворец Уфэн. И Цинхэ был вынужден отдавать им все оставшееся от ежегодного жалования. На Дворец наложили ограничение количества адептов, которое он может принять. Но оно было бесполезно: желающих вступить в ряды адептов неугодного императору Дворца становилось все меньше. Трое из шести Старейшин скончались. Новых из числа адептов Цинхэ не выбрал. Должно быть, он не хотел принимать решение без Умэй. Может, он писал ей письма в столицу. Письма с отчаянной мольбой о помощи, с просьбой вернуться. Письма, которые так и не попали ей в руки. Читая отчеты, Умэй поражалась, откуда Цинхэ брал деньги. Ему едва удавалось сводить концы с концами, но, стоило возникнуть острой необходимости, и он как по волшебству находил нужную сумму.

Умэй закончила с отчетами и впала в ступор на некоторое время. Ей на голову будто взвалили с десяток мешков камней. Положение Дворца было таким плачевным, что она не знала, за что хвататься. Но, сидя на месте, проблемы не решить. Умэй заставила себя подняться и пойти исполнять свои обязанности.

Самое южное здание, отводившееся под прислугу, оставалось единственным живым уголком в усадьбе. Все, кто остался верен семье Шань после того, как ее заклемили предательством императорской фамилии, и все, кому некуда больше было идти, собрались здесь. Белые изможденные привидения с потухшими лицами. Увидев Умэй, они бросились к ней. Все хотели коснуться ее, заговорить с ней. Они твердили «молодая госпожа, молодая госпожа, вы вернулись, с возвращением, молодая госпожа». Эти люди с несмываемой печатью усталости на лицах походили на потерявшихся детей, которых наконец-то нашла их мать. Цинхэ стоял чуть в стороне, бесконечно счастливый и довольный. А Умэй кричала внутри. Почему эти люди так тянутся к ней, когда она годы проводит вдали? Чэнь Цинхэ рядом с ними изо дня в день на протяжении многих лет, кормит их, ведет, как пастух свое стадо, следит за поместьем. Так почему сейчас он в стороне, всеми забытый? Что в головах этих людей?

Умэй посмотрела поверх голов на Цинхэ. Тревога, внезапно отразившаяся на его лице, насторожила ее. Он косился в сторону закрытых наглухо покоев и нервно сжимал ткань своих длинных рукавов.

Ужин проходил в главном доме, там, где когда-то собирались за трапезой все домочадцы. У главного стола, где когда-то сидел господин Шань, отец семейства, Цинхэ хотел усадить Умэй. Но она наотрез отказалась занимать это место. Оно осталось пустующим. Умэй смотрела туда, и еда застревала у нее в горле. Лучше бы этот стол убрали, но это было бы преступлением и оскорблением памяти ее отца.

Цинхэ сел за стол последним. Он следил, чтобы всем досталась положенная порция, подавал чаши старым и немощным, помогал им взять палочки. Умэй наблюдала за ним, поражаясь его терпению. Она жизнь положила в ноги императору, чтобы сохранить свой дом и жизни этих людей. Но она не смогла бы класть ее к ногам этих людей изо дня в день, как это легко и с улыбкой делал Цинхэ. Слабые люди не вызывали в ней сочувствия, и уж тем более любви.

Она почти доела свой клейкий рис, когда заметила, что Цинхэ торопливо покончил со своей порцией, поднялся из-за стола и вынес из зала сверток с едой. Теперь Умэй окончательно убедилась, что он прячет от нее кого-то.

Уже стемнело, когда Цинхэ развел всех жителей усадьбы по спальням. Умэй дождалась его снаружи, на дуговом мосту у голого сухого дуба. В прежние времена случалось, что летом он одевался бледной редкой листвой. Теперь же он был так же мертв, как и усадьба.

– Спасибо тебе. За все. – сказала Умэй, когда Цинхэ приблизился. Он держал руки сложенными на три цуня выше дяньтяня⁴², одевался в простые закрытые одежды серого цвета, и выглядел, как благопристойный монах. – Ты знаешь, как я тебе благодарна.

Цинхэ смущенно улыбнулся и потупился.

– Ты не должна...

– Кому ты носил еду?

Цинхэ испуганно уставился на Умэй, будто она поймала его на мелкой пакости.

– Я... не могу сказать. – он порывисто шагнул к ней, заглянул в глаза и с жаром заверил: – Но Умэй... ты же знаешь, что я никогда не сделаю ничего против тебя?

– Я знаю. Всего лишь хочу помочь.

Цинхэ рассмеялся.

– Все в порядке. Это не тяготит меня.

Умэй не стала больше спрашивать его ни о чем. Он делал для нее достаточно, чтобы иметь право на тайны.

Она замялась, подбирая слова, но решила все же сказать прямо:

– Нам нужно уехать.

– Нам? – Цинхэ не спрашивал, зачем. Он не ставил ее слова под сомнение, лишь уточнил то, что казалось ему невозможным: кто же будет следить за Дворцом?

– Да. Я прочитала все записи – долго мы так не продержимся. Принести императору голову Мо Сюэшоу – наш единственный шанс. На жизнь этого... человека мы купим свою свободу.

– Но Умэй! Мы сможем заработать денег, кочевники отошли от границ, деревни восстановлены. Скоро все...

– Не сможем. Проверки из столицы сживут нас со свету. Увидев, что дела во Дворце идут лучше, они будут драть с нас больше, и не остановятся, пока не высосут все. Мы проведем выборы Старейшин, но выберем не трех, а сразу шестерых. Это сделаешь ты. Тебе лучше известно, кто из адептов справится.

– Ты уверена, что хочешь?..

– Я не настолько самоуверенна, чтобы в одиночку гоняться за мастером темных искусств, уничтожившим уже три Дворца. Но во всем этом мире верить я могу только тебе.

Цинхэ был глубоко тронут этими словами. Глаза его увлажнились. Он попытался ответить, но, как всегда, когда он волновался, начал заикаться и бормотать что-то невнятное. Что в юности, что сейчас. Хоть что-то в этом мире остается неизменным.

Умэй не могла остаться дома надолго, поэтому следующим утром сразу взялась за дело. Она отдраила кабинет отца, привела в порядок спальни в женской части усадьбы и отмыла несколько коридоров. Ей приходилось делать это, пока никто не видит, в противном случае

⁴² Место накопления жизненных сил, чуть ниже пупка

кто-то из прислуги бросался на нее, норовя отобрать тряпку и сделать работу за нее. Но одного желания было недостаточно. В поместье из прислуги остались лишь старожилы, прожившие в поместье всю свою жизнь. Они едва переставляли ноги, не говоря уже о возможности следить за порядком во всей усадьбе. Умэй хотела сделать для дома так много, как только могла, пока ей снова не пришлось уехать надолго.

Ночь была самым мучительным временем суток для Умэй. Она не страдала кошмарами, но сон ее был беспокойным и сбивчивым. Случалось, что она не могла уснуть до самого утра, или погружалась и вновь выныривала из сна, как борющийся со стихией утопающий.

На третью ночь в усадьбе Умэй лежала в своей постели, глядя в потолок и слушая завывание ветра и скрежет старых сухих ветвей деревьев из сада. День выдался тяжелым, но уставшее тело никак не погружалось в сон. Промаявшись так почти до рассвета, Умэй не выдержала.

Она поднялась и вышла на улицу. Как раз вовремя, чтобы столкнуться с тем, кому тоже не спалось этой безлунной ночью.

Умэй замерла, пораженная. Это сухое надменное лицо она не рассчитывала больше увидеть в этой жизни. В основном потому, что при последней встрече его обладательница всадила в нее стрелу.

Чжэнь Бэйюй⁴³ изменилась за прошедшие годы. Вытянулась и будто иссохла, а ее крючковатая осанка выглядела болезненно. Руки были сложены в благопристойном положении, тонкий подбородок нахально вздернут. Лицо ее, испорченное излюбленными ею белилами, выглядело на несколько лет старше, чем его хозяйка. Изгиб губ стал еще более истеричным, скулы заострились, а взгляд стал еще нахальнее.

– Мне уже можно ловить свою летящую на пол голову? – ядовито поинтересовалась Чжэнь Бэйюй.

Она все такая же злопамятная, подумала Умэй. Прошло девять лет, и теперь, глядя на Чжэнь Бэйюй, она не испытывала ни ненависти, ни ярости, ни даже негодования. Лишь любопытство: когда это они с Цинхэ успели спеться настолько, чтобы он прятал ее здесь от Умэй, как жена любовника от ревнивого муженька.

– Я думала, здесь только старики и Цинхэ, вынужденный за ними ухаживать. – сдержанно ответила Умэй. – А здесь еще и здоровая кобылица задарма питается. Могла бы и пыль протереть.

– Нет моей вины в том, что у поместья никудышная хозяйка.

Умэй усмехнулась.

– Что ж, госпожа Чжэнь, раз мы обменялись любезностями, притворимся, что не видели друг друга?

Вместо ответа Чжэнь Бэйюй развернулась и решительно удалилась.

На следующий день она явилась на общий завтрак. На жалобный скулеж и перепуганный взгляд Цинхэ она лишь буркнула «она знает» и внаглую уселась за столик напротив Умэй, чтобы иногда зло поглядывать на нее и портить аппетит. За два дня упорной работы Умэй и Цинхэ выбрали шестерых Старейшин и перепоручили им вести дела Дворца.

Умэй покидала дом с ощущением, что в стопы ей вбили с десяток гвоздей, и теперь незаживающие раны кровоточат и ноют при каждом шаге. Но она твердила себе, что покидает Дворец, лишь чтобы однажды вернуться в по-настоящему *свой* дом.

Дорога до Наньчана прошла спокойно. Решив избавиться себя от неудобств полета на мечях, до самого Наньчана они сплывались на маленькой лодке с бамбуковым навесом. Так большая часть пути была проделана без остановок на ночлег.

⁴³ ###. # – настоящий, подлинный. ## – «скорбящий дождь»

Умэй противилась тому, что Чжэнь Бэйюй отправилась с ними. Но та следовала за Цинхэ, как воздушный змей за ветром – куда он, туда и она, только и успеваешь, что цветным хвостом вилять. Кроме того, Цинхэ настоял, чтобы взять троих адептов Дворца Уфэн. Все трое были крепкими мужчинами немного за тридцать, прошедшими обучение и владеющими неплохими боевыми навыками. Такие люди, несомненно, полезны в походе. Но Цинхэ не учел одного: все трое игнорировали приказы Умэй. Цинхэ, краснея от сжигающей его вины, повторял ее слова, и тогда адепты начинали шевелиться.

Цинхэ без конца извинялся перед Умэй, будто в этом была его вина. Однажды ей надоели его отчаянные покаяния:

– Они все делают правильно. – оборвала его Умэй. – Им не за что меня уважать. Ты был с ними в тяжелые для Уфэн годы, а не я. Глупо требовать повиновения.

Начни она хлестать их кнутом, добилась бы лишь ненависти. Умэй решила, что ей еще предоставится возможность заслужить расположение людей Уфэн.

Было время, она много боялась. Но, после девяти лет в Тяньбао, лишь один страх все еще ворошил ей душу: страх потерять то последнее, что у нее осталось – Уфэн. В Тяньбао ей приходилось притворяться мужчиной – молодой девушке было не выжить в окружении сотни мужчин, озлобленных скотской жизнью и разлученных с семьями на долгие годы. Она засыпала и просыпалась в холоде, с вечно ноющим пустым желудком, под грязную ругань, предсмертные стоны и кашель. Нечистью кишели те края. Застава Тяньбао отделяла ее от Поднебесной. Земли там пропитались кровью, мучениями и смертью. Если бы не генерал Дуань, Умэй вряд ли смогла бы выжить. Но именно там, в Тяньбао, она научилась терпению, достойному Будды.

Сойдя на берег, путь они продолжили пешком. Самая короткая дорога до Наньчана лежала через бамбуковую рощу. Тонкие, но стойкие стволы вытянулись штыками, верхушки распустились кустистой кроной. Просачивающиеся через листву солнечные лучи окрашивались в зеленый.

Они устраивались на привал, когда Умэй уловила движение. И не одна она: ее спутники заметно напряглись, вслушиваясь. Едва слышные шорохи, дуновение ветра. Их окружало не меньше десятка человек.

Умэй стремительно поднялась. Остальные тоже не мешкали. Не нужно было говорить, что, пока они стремительно движутся к городу, у них есть шанс вырваться из сжимающегося кольца.

Быстрый шаг перешел в бег. Они неслись меж звонких стволов, используя цингун, чтобы не касаться ногами земли и не оставлять следов. Эта чертова роща везде одинакова! Вот-вот должен был показаться город, но все, что окружало их – это зелень. Зелень, зелень, зелень. Сверху, снизу, впереди, справа, слева, позади. Чем дальше они бежали, тем сильнее становилось подозрение, что с их чувствами сыграл злую шутку опытный иллюзионист.

Умэй убедилась в этом, когда они выбежали напрямиком на отряд воинов в болотного цвета ханьфу. Лица были скрыты черной вуалью и широкой доули. Тускло высвечивались лишь темные озера глаз. В руках они сжимали тонкие древки копий.

Умэй узнала их. Отряд Цикад, элитные бойцы Дворца Цзянь⁴⁴. Славились скрытностью и умением подавлять свою ци так, что ни один мастер не почувствовал бы их присутствия. Если бы они не захотели, ни один из спутников Умэй, да и она сама, не распознали бы угрозы. Все это время их гнали напрямиком в ловушку. Умэй чертыхнулась. Эти не берут в плен и не ведут переговоров. Убивают на месте. Попробуй выйти к ним с поднятыми руками и познаешь незабываемые ощущения от копыя меж ребер.

Хуже всего было то, что Умэй оделась не в традиционные платья Дворца Уфэн, а обычную черную походную одежду. Как и трое адептов дворца. Цинхэ и Бэйюй к Уфэн не принад-

⁴⁴ ## – «острый клык»

лежали, и потому никогда не облачались в его форму. В глазах Цикад все они были не более, чем вооруженными до зубов подозрительными типами, обходными путями пробирающимися к Наньчану. Благородные господа, а уж тем более главы Дворцов, не стали бы пользоваться нетоптанными тропами.

– Не двигайтесь! – скомандовала Умэй.

Бросаться врассыпную было глупо – они не знали, сколько Цикад притаилось в роще. Лучше было сгруппироваться и уйти в оборону. Но адепты Уфэн думали иначе. Они бросились в разные стороны, рассчитывая отвлечь на себя часть отряда. Ни один из преградивших им путь Цикад не шевельнулся. Как Умэй и думала – в роще их больше.

Рядом с Умэй остались только Цинхэ и Бэйюй. Бросок – острие копья устремилось в грудь Цинхэ. Умэй взмахнула рукой, воздвигая защитный барьер. Его мощи хватило, чтобы отбить копье. Но Умэй была плоха в создании барьеров, и после первого же удара созданный ею заслон рухнул.

– Нужно бежать. – бросила Бэйюй.

Не стовариваясь, они сорвались с мест. Расстояние между ними и Цикадами сократилось в один миг. Цинхэ и Умэй увернулись от брошенных в них копий. Бэйюй вырвалась вперед. Она первая вклинилась в строй Цикад, мечом встретив их сопротивление. Умэй сорвала с пояса и развернула черный плетеный кнут. Ее магическое оружие Хэйбай⁴⁵ – подарок от северного мастера – могло удлиняться и укорачиваться, становиться тверже скалы и податливей ручья. Его энергия смешивалась с боевой ци Умэй, и кнут становился продолжением руки.

Взмах – Хэйбай рассек стволы бамбука в радиусе чжана. С глухим треском бамбук обрушился на землю. Строй Цикад разбился, и трое заклинателей тотчас воспользовались этим. Используя цингун, они ринулись вперед, за мгновения развив огромную скорость. Цикады не отставали. Умэй ощутила смутную угрозу и подалась левее. И вовремя – мимо ее уха просвистел дротик. Ей не хотелось думать, чем он был смазан – Дворец Цзянья славился ядами.

Цинхэ никогда не был превосходным бойцом. Но его ци хватило на создание волны, отбросившей от них еще десяток выпущенных в спину дротиков. Умэй едва успела сформировать барьер – прямо перед ними материализовались еще шесть Цикад, и шесть копий нацелились в беглецов. Все это время Цикады скрывались на верхушках бамбуковых стеблей, как охотники, поджидающие добычу.

– Прикройте. – бросила Умэй, устремившись к шестерым Цикадам.

Хэйбай развернулся во всю мощь. Овившись вокруг ноги мужчины, кнут отбросил его. Нанес удар второму, и тот согнулся пополам. Еще один безжалостный взмах руки – и хрустнула свернутая шея. Умэй развернулась. Кнут, вторя ее движениям, протащил тело мужчины и сбил им с ног другого. Хэйбай закручивался спиралью, не подпуская к Умэй Цикад и позволяя ей беспрепятственно разбрасывать их с пути. Она едва не пропустила нацеленное ей в грудь копье. Умэй уклонилась. Перекатившись по земле, она подхватила один из выпущенных в нее дротиков и вонзила его в бедро Цикады.

– Бегите! – крикнула она и бросилась вперед.

Цинхэ на ходу отвязал от пояса один из болтающихся мешочков.

– Умэй! – крикнул он.

Умэй развернулась и хлестнула Хэйбаем по мешочку. Тот порвался, и зеленоватый порошок посыпался на головы Цикад. Одновременно Цинхэ схватил Чжэнь Бэйюй за ворот и потянул за собой, толкнув Умэй в кювет их телами.

Не удержавшись на ногах, все трое покатались вниз. Листья, ветки, камни – все смешалось в единую массу, когда они летели в яму. Спиной Умэй налетела на толстый бамбуковый ствол. Боль ослепила ее на мгновение. Казалось, ее сейчас разорвет пополам. Справившись

⁴⁵ ## – «черное и белое»

с собой, она ухватилась за Бэйю и Цинхэ, тормозя их падение. Втроем они скатились еще немного, а потом поднялись на ноги и, хромя, побежали.

Внизу они уперлись в ручей. Не раздумывая, все трое бросились в воду. Стараясь не всплывать, они поддались течению.

Их вынесло у самой городской стены. Выбравшись на сушу, мокрые и измятые, они обессиленно рухнули.

– Это был иллюзорный порошок? – спросила Умэй у Цинхэ, отдышавшись.

Где-то под ухом источала грязную ругань Бэйюй.

– Он должен был замаскировать обрыв, в который мы бросились.

– Их этим не проведешь. – покачала головой Умэй и поднялась, хотя все ее тело ныло.

Цикады не могли не заметить, что их добыча просто провалилась сквозь землю. Спустившись, они найдут ручей и все поймут. Задерживаться на одном месте было нельзя. Ждать троих адептов Уфэн они не стали. Скорее всего, их тела уже заворачивали в циновки.

У городских ворот они пережили долгий допрос. После того, что устроил Мо Сюэшоу, в города не пускали всех подряд, тщательно выясняя личность и мотивы прибытия. Впрочем, Мо Сюэшоу это еще ни разу не помешало.

В Наньчан их пропустили уже затемно. Идти во Дворец Цзянь было бесполезно: Умэй знала его хозяина, он с заходом солнца приказывал наглухо запереть ворота, и даже самому Будде дали бы отворот поворот.

Все трое приплелись на постоянный двор, но там вдруг обнаружилось, что Цинхэ посеял мешочек с их скудными пожитками.

– Мне... мне так жаль. – пробормотал он, виновато свесив голову.

– Ничего-ничего, ерунда. – ласково похлопала его по спине Чжэнь Бэйюй. Не успела Умэй поразиться несвойственному для нее поведению, как похлопывание превратилось в удар ребром ладони по хребтине. – Просто из-за тебя, дыряворукий тупица, мы будем храпеть на улице в обнимку с вонючими псами и ждать, когда те Богомолы откусят нам головы!

– Зачем же на улице? – рассмеялся кто-то сверху.

Голос этот был знаком Умэй, и ее передернуло. Какого черта он здесь забыл?

Су Миньинь, новый глава Дворца Гаофэй, собственной персоной. Оперся о перила и смотрит на них сверху вниз с усмешкой, которая и милосердную Гуаньинь превратила бы в жаждущую крови Асуру. В день своего назначения Су Миньинь был одет в роскошные парадные одежды с широкой мантией, скрывавшей фигуру. Теперь же на нем была походная практичная одежда, подчеркивавшая статность и стройность фигуры. Но, не изменяя себе, он даже повседневные одежды выбрал из парчи цвета мха с вышивкой из серебряных нитей. Чванливый пижон.

Рядом с ним они, в мятой, недавно высохшей грязной одежде, растрепанные и жалкие, выглядели убогими вшами.

– Я с удовольствием заплачу за лучшие спальни для моих дорогих друзей.

Он грациозно спустился и поравнялся с тремя заклинателями. В подтверждение своих слов Су Миньинь небрежно бросил на стол пестрый мешочек. Звякнув, он развязался и явил всем присутствующим сверкающие золотые слитки. Владелец постоянного двора, низкорослый старик с жидкой бороденкой, жадно бросился на монеты, но Умэй накрыла мешок своей ладонью.

– Не стоит, господин Су. – вежливо отказалась она от такого щедрого предложения. И впрямь лучше уж с собаками на улице.

На удивление, Чжэнь Бэйюй не только поддержала ее, но и высказала господину Су свое фи:

– Чего вылупился, ряженный хорек?! Хочешь, чтобы я тебе улыбку растянула до уха?! – рука красноречиво легла на рукоять меча.

Пристыженный Цинхэ попытался уговорить ее и убрать руку Бэйюй с меча, но та не собиралась сдаваться так просто. Не глядя на их бестолковую нелепую возню, Умэй обратилась к Миньиню:

– Боюсь, мы не можем принять такого подарка.

Улыбка не покинула лица Су Миньиня, когда его рука легла поверх ладони Умэй.

– Для меня – сущие пустяки. Ведь госпожа Шань – моя звезда, что освещает путь во мраке ночи. Неужели я пожадничая для нее каких-то сотню золотых?

Сотню золотых? Какая еще «звезда в ночи»? Он больной?

Умэй снова отказалась. Миньинь настаивал. Он пододвигал мешочек к старику, Умэй отодвигала его обратно. И так они гоняли несчастные золотые туда-сюда, пока от этого увлекательного занятия их не отвлек строгий голос:

– Что ты делаешь?

Умэй и Миньинь одновременно замерли и посмотрели на высокого юношу. Его лицо и колючие черные глаза показались Умэй знакомыми.

– А, Су Нань⁴⁶! – воскликнул Су Миньинь.

И тут Умэй осенило. Этот парень – вылитая служанка из Дворца Гаофэй, та самая, что вела себя, как подобает воспитанной госпоже.

– Знакомьтесь, госпожа Шань. – Миньинь приобнял юношу за плечи. – Это – мой сын Су Нань.

Умэй ни на мгновение не поверила в его шуточный обман. Она подозревала, что та служанка могла быть любовницей главы Су, раз ей дозволялось вести себя, как захочет. Но у молодого Су Миньиня не могло быть такого взрослого сына. Не в шесть лет же он его зачал!

Тем временем «сын», поправ все заветы Конфуция, совсем непочтительно врезал локтем своему «отцу» под дых.

– Не отказывайтесь, госпожа. – обратился он к Умэй. – Этот не отстанет.

И как ни в чем ни бывало удалился наверх, к гостевым спальням.

«Этот» решительно придвинул к старику золото, и в этот раз Умэй не стала лишать пожилого торговца единственной в его жизни радости.

Спальня ей досталась просторная и богато обустроенная. Умэй не обратила на эту пышность внимания. Она попросила прислугу принести таз воды, выстирала в нем одежду. Вымывшись в горячем источнике, она легла в постель. Бэйюй передала ей мазь от Цинхэ, и Умэй обработала ссадины и синяки.

Лежа в кровати, она обдумывала, что Су Миньинь забыл в Наньчане. В их последнюю встречу она призналась, что здесь у нее есть зацепка, где искать Мо Сюэшоу. И вот, не прошло и месяца – этот тип уже тут как тут. Хочет выслужиться перед императором?

Другой вопрос – его спутник, «сын». Умэй, девять лет притворявшаяся мужчиной в Тяньбао, была натаскана в этом мастерстве. И потому безошибочно определила в юноше переодетую женщину, ту служанку Дворца Гаофэй, что привлекла ее внимание. И что за имя такое – «мужчина Су»? Это равносильно тому, что прилепить ей на лоб лист с надписью «это точно мужчина, а никакая не женщина». Быть может, она притворялась юношей, чтобы не поставить крест на своей репутации – где это видано, чтобы женщина путешествовала вдвоем с мужчиной? Кто потом женится на такой? Но, как бы там ни было, доверия Су Миньинь у Умэй не вызывал.

От мыслей Умэй отвлекло смутное предчувствие угрозы. Она успела заметить в окне зеленую тень. Цикады! Все же нашли их.

Не мешкая, Умэй бросилась следом. Нельзя допустить, чтобы шпион привел за собой целый отряд этих... богомоллов.

⁴⁶ ## букв. «мужчина Су»

Приземлившись на внутреннем дворе, Умэй пустилась в погоню. Но у черного входа обнаружила лежащий в луже крови труп Цикады с перерезанным горлом. И Су Миньиня, равнодушно вертящего в руках нож. Заметив Умэй, он расцвел в улыбке:

– Умэй, он потревожил твой сон? Не волнуйся, теперь этот жук – головная боль Яньвана⁴⁷. – весело сообщил он.

Раньше Умэй покорило бы столь неформальное обращение к ней. Но за годы в Тяньбао ее болезненная страсть к соблюдению приличий заметно притупилась, и она спустила Миньиню его наглость.

– Глава Су и впрямь достоин Дворца Гаофэй. – вежливо ответила она, на что Миньинь надменно рассмеялся.

– Скорее уж Дворец Гаофэй вполне достоин меня. Госпожа Шань не хочет выпить?

Они прошли в приватную комнатку и закрыли раздвигающиеся деревянные перегородки, отрезая себя от всего мира. Умэй ощутила, будто ее заперли в дырявой коробке со змеей.

Но «змея» вела себя прилично и дружелюбно. Грациозно придержав рукав, Миньинь разлил по их чаркам сладковатое восточное вино. При этом счастливая улыбка не сходила с его лица, и он бросал на Умэй полные искренней теплоты взгляды. От этого ей еще больше стало не по себе. Она согласилась выпить с ним лишь потому, что рассчитывала выяснить его истинные мотивы. Но теперь, оказавшись с господином Су один на один, поняла, что он состоит из множества слоев: снимай один за другим, а сердцевина все же так далеко, что не добраться.

Они говорили о ничего не значащей ерунде. Погода в Наньчане неплоха. Да, и впрямь, но здесь такая сырая осень. А как на севере? Холодно и сухо. В Сычуани прекрасные весны, госпоже Шань обязательно стоит задержаться там на пару месяцев. Погода, пища, магические артефакты. Они прыгали с темы на тему, не задерживаясь ни на одной надолго.

Умэй внимательно следила за каждым движением, самым мимолетным изменением в лице ее собеседника. Она не могла не признать, что Су Миньинь красив. Ясные, яркие глаза и очаровательная улыбка, аккуратные руки с длинными изящными пальцами. Уж если и этим он не сможет кого-то обаять, то его сегодняшний щедрый жест и вовремя протянутая рука помощи не оставили бы равнодушным никого. Но, чем больше Умэй присматривалась, тем больше недоумевала. Безупречные манеры благородного господина перемежались с замашками невоспитанного деревенщины. А его попытки заигрывать с ней... он же стреляет глазками, как дешевая проститутка!

Собственные наблюдения настолько выбили Умэй из колеи, что следующую чарку она осушила одним глотком. Умэй поморщилась. Она никогда не любила вино, его горечь и терпкость. Пила его лишь по особым случаям, чтобы поддержать собеседника, и разговор тек легче. Но это вино... оно было приторно сладким. Су Миньинь же был более чем доволен.

– Господин Су любит сладкое? – спросила Умэй.

– Моя маленькая слабость. – признался он. – Надеюсь, Умэй не злится на меня за то, что я решил последовать в Наньчан?

– Мне скорее любопытно, зачем. Отправить людей на поиски было вполне достаточно.

Су Миньинь придвинулся к ней почти вплотную. Она могла ощутить сладковатый флер вина и свежий аромат трав, исходящие от него. Их разделял стол, и господин Су почти лег на него, чтобы приблизиться к Умэй. Подобная близость была не допустима, но Умэй не изменилась в лице и не шелохнулась. Сидела непоколебимо, как скала.

– Я не могу бросить тебя в беде. – прошептал Су Миньинь. Пока Умэй гадала, пьян он или снова дурачится, он продолжал. – Слышал, этот Мо Сюэшоу – опасный тип.

⁴⁷ Владыка загробного мира

– Я тоже не безобидная. – произнесено с едва различимым намеком. Су Минъинь ошибочно уловил его и отодвинулся.

– Мо Сюэшоу ищет так много народа. Умэй не боится, что ее опередят? Она вполне могла бы поручить заботы о нем другим.

– Кому же? Чем больше людей преследуют одну цель, тем меньше вероятность, что она будет достигнута. Каждый будет полагаться на остальных, и в итоге никто не сделает ничего. – она выдержала паузу, прежде чем сказать. – Я буду рада, если глава Су сопроводит меня в пути.

Так она сможет присматривать за этим двуличным типом. Это лучше, чем гадать, что же он задумал и когда ждать сюрприз.

Су Минъинь, услышав это, смутился. Он слегка склонил голову, пряча глаза. А за поднятой чаркой вина он скрыл горький излом губ.

Глава 5. Улика первая к новой загадке ведет

Утром следующего дня разношерстная компания из пяти заклинателей вошла в негостеприимно распахнутые ворота Дворца Цзянья. Стражи были как на подбор мрачные и неприветливые. Умэй подумалось, что они невольно копируют манеры своего главы.

Встретить их никто не вышел. Даже прислуга сновала мимо, не замечая гостей, будто те обратились бестелесными призраками.

Время близилось к полудню. В это время хозяин Дворца должен был быть погружен в работу. Главный павильон Дворца – Дом трех заветов – выделялся среди остальных строений пышностью, и незваные гости быстро разыскали место, где должен был заседать господин Лю.

Лю Шэ⁴⁸ – нынешний глава Цзянья, восседал на скромном троне на небольшом возвышении. Кроме него, в павильоне не было ни души. Две курильницы для благовоний источали белый пар. Пах он отвратительно. Вероятно, глава Лю воскурял в курильницах не благовония, а лечебные травы. В этом была особенность всех носителей фамилии Лю – непрерывные эксперименты над собой. Занимаясь ядами со дня основания Дворца Цзянья, все члены клана с детства принимали яд малыми дозами, чтобы в будущем избежать отравления. Нередко эта практика забирала у них годы жизни. И, будто этого мало, они еще и ели, пили и окружали себя ароматом целебной дряни собственного изготовления.

За девять минувших лет Лю Шэ не изменился. Нельзя было точно угадать, сколько ему лет. Он походил одновременно на столетнего старца и совсем еще юного мальчишку. Он был не красив и не уродлив. Человека с настолько заурядной внешностью найти сложно. Умэй казалось, что, закрой она глаза, тут же забыла бы, как он выглядит.

Погруженный в бумаги, он не поднял глаз, чтобы взглянуть на гостей. Холодный и неподвижный, как рептилия, он мог сидеть в одной позе так долго, что ни у кого не хватило бы терпения проверить, насколько.

– Значит, это госпожа Шань убила моих Цикад? – прошуршал Лю Шэ. Его манера говорить почти шепотом, но так, что все отчетливо слышали каждое слово, всегда поражала Умэй.

– Ваши Цикады убили моих людей. – ответила она.

– Тогда мы квиты.

Лю Шэ наконец вернул бумаги на стол и оглядел присутствующих. Так как он не удосужился соблюсти приличия, никто не стал отвешивать ему полагающиеся поклоны.

Возможно, от регулярного употребления яда и прочей самодельной гадости, взгляд Лю Шэ всегда подергивала легкая дымка. Но движения его всегда были собраны, а в речи не слышалось растерянности.

– Пусть она уйдет. – прошелестело в ушах присутствующих. Умэй показалось, что на вечно бесстрастное лицо господина Лю легла тень.

Чжэнь Бэйюй не удивилась его словам, в отличие от ее спутников. Не говоря ни слова, она круто развернулась и скрылась. Цинхэ поспешил за ней. Умэй ухватила его за плечо.

– В чем дело? – за девять лет многое изменилось, многое произошло. Но происходящему она не могла найти объяснения.

– Это... я потом тебе все расскажу. – извиняющимся тоном пролепетал Цинхэ и поспешил за Бэйюй.

– Он мог бы остаться. – с долей снисхождения заметил Лю Шэ, когда перед ним осталось лишь трое гостей. Впрочем, особого сожаления он не выказывал. – Вы хотите угоститься?

⁴⁸ ## – «зеленый змей»

Правила приличия диктовали не говорить сразу о делах, сначала разделить пищу и порадоваться встрече. Тем более, если после долгой разлуки встретились старые приятели. Но Умэй не желала тянуть, да и Лю Шэ явно не хотел вести светские беседы.

Они прошли в западный павильон, где удобно устроились на просторных подушках. Умэй села напротив Лю Шэ, Су Минъинь не отказал себе в удовольствии опуститься рядом с ней. Су Нань осталась у входа. Им подали чай. Немного отхлебнув, Умэй начала:

– Ты отправил мне письмо. Написал, что у тебя есть сведения о Мо Сюэшоу?

– Есть свидетель. – отозвался Глава Лю.

Мо Сюэшоу заходил во Дворец, а выходил, не оставив ни одной живой души, как жнец, собирающий души погибших с поля боя. То, что кто-то сумел выжить, было удивительно.

– Кто?

– Ребенок.

Умэй едва не выронила чашку. Ребенок? Сбежал от опаснейшего темного мастера в Поднебесной? От того самого Мо Сюэшоу, что в одиночку мог устроить резню во Дворце, подчинял себе мертвецов и забавлялся, сдирая кожу со своих врагов? Воистину, пятно на его репутации.

Су Минъинь думал о том же. Рассмеявшись, он заметил:

– Дорогой друг, ты, должно быть, ошибся? Разве мог маленький ребенок вырваться из рук демона?

Лю Шэ безразлично обронил:

– Ты кто?

Этот простой вопрос заставил болтуна Су подавиться. Умэй же вдруг вспомнила, что Лю Шэ не знаком с Су Минъинем, и поспешила представить:

– Это господин Су, новый хозяин Дворца Гаофэй.

– Господин Лю не посетил торжество в честь моего назначения.

– Пустая трата времени. – Лю Шэ лениво попивал чай. На языке от него оставался странный привкус, и Умэй подозревала, что даже в чай он добавляет что-то от себя. – Потом на похороны идти.

Су Минъинь оказался на редкость толстокожим и посмеялся над его словами, как над забавной шуткой.

– Что за ребенок? – вернулась к теме Умэй.

– Мальчик. Лет десять, не больше. Но он не разговаривает.

То, что ребенок не разговаривает, не утратило Умэй. Она знала, что не стоит слепо верить всему, что говорит Лю Шэ. Зеленый змей Дворца Цзянья был умен, но абсурдно неловок в, казалось бы, обычных вещах. Он мог надеть нижнее пао на верхнее, забыть про обувь или толкнуть человека, жалующегося на жар, в снег, уверенный, что оказал ему услугу. В шестнадцать лет он помог Умэй сорвать плод с персикового дерева, а после спросил:

– Теперь мы друзья?

Умэй было любопытно, и она кивнула. А потом он случайно увидел ее щиколотки и не преминул поинтересоваться:

– Теперь мы женаты?

– Нет.

– Вот и славно. – с нескрываемым облегчением кивнул Лю Шэ.

Обижаться на него было бесполезно.

Умэй представила, как Лю Шэ утешал несчастного малыша, пережившего кошмар. С ничего не выражающим лицом и устрашающим напором Зеленый змей заталкивает конфеты в рот сопротивляющегося малыша, приговаривая:

– Ешь. Давай же ешь. Это вкусно. Это говорю тебе я – Зеленый змей. Вкусно.

Может, все было и не совсем так, но реальность вряд ли отличалась от представлений Умэй.

Меж тем Су Миньинь завел разговор о делах Дворца. На все его вопросы Лю Шэ отвечал односложно:

- Хорошо.
- Неплохо.
- Тебя не касается.

Умэй вклинилась и попросила повидаться с мальчиком. Лю Шэ дал знак прислуге, и Умэй отвели к павильону Спокойствия.

Дверь в одну из спален была приоткрыта. Умэй услышала тихие жалобные стоны и приостановилась. Заметив это, служанка резко задвинула дверную створку и, ничего не говоря, дала Умэй знак идти следом. Что сказать – дворцовая прислуга стояла своего хозяина.

В просторной комнате в конце коридора пахло тем же отвратительным варевом, что и в Доме трех заветов. Должно быть, Лю Шэ решил, что целебные травы распустят мальчишке язык. Умэй прикрыла дверь, оставив служанку снаружи. Тишину нарушали лишь гомон слуг и шелест деревьев, пробиравшиеся в спальню из окна.

Умэй обошла всю комнату. Она была пуста. Не зная, что и думать, Умэй решительным шагом двинулась к двери, как услышала встревоженный шорох.

Умэй заглянула под кровать и столкнулась с двумя огромными блестящими глазами.

– Вылезай. – она старалась говорить как можно мягче, но, скрипя сердце, призналась себе, что на месте мальчика забилась бы дальше к стене. – Я не обижу.

Она уговаривала его на все лады, но ребенок не слушал. Чертыхнувшись про себя, Умэй попыталась говорить с ним прямо.

- Как тебя зовут?
- Сколько тебе лет?
- Откуда ты?

Вопросы тонули в тишине и испуганной возне под кроватью. Умэй ждала, пыталась заговорить снова. Бесполезно. Она никогда прежде не общалась с детьми. Они не вызывали в ней ни любви, ни умиления. И они отвечали ей взаимностью.

– Умэй, ты ребенка выманиваешь или монстров под кроватью стращаешь? – Су Миньинь, сложив руки на груди, прислонился к дверному косяку и наблюдал за ее потугами с беззлой усмешкой.

– Может, глава Су покажет свое мастерство? – не без раздражения буркнула Умэй, поднимаясь с пола.

Су Миньинь опустился на колени рядом с кроватью и ласково позвал:

– Эй, парень, эта сестрица напугала тебя? Не бойся, она добрая, правда...

Сладкие речи текли из его рта, как патока. Он нес, по мнению Умэй, бессвязную чушь. Заигрывал, шутил и сам смеялся. И, когда Умэй уже поверила в его полный провал, мальчик вдруг опасно высунулся. Умэй хотела приблизиться, но Миньинь жестом остановил ее. Сам же он чуть отодвинулся, давая ребенку понять, что не собирается бросаться на него.

– Умэй, оставь нас пока. – мягко попросил Миньинь, видя, что мальчик опасно косится на нее.

Умэй внутренне воспротивилась: оставить единственную зацепку в руках этого лицедея с неясными целями? Но она понимала, что, если будет стоять здесь столбом, у Су Миньиня не получится вытянуть ни слова.

Лю Шэ был довольно апатичным хозяином: он не приглашал гостей остаться, но и не гнал за ворота. Умэй свободно передвигалась по Дворцу – никто и не думал ее останавливать. Так, к заходу солнца она перебралась к гостевому павильону и беспрепятственно заняла одну из спален. В соседней уже как ни в чем ни бывало расположилась Су Нань.

Цинхэ и Бэйюй явились вместе с прислугой, принесшей им ужин и сменную одежду.

– Разве тебе не было велено уйти? – спросила Умэй у Бэйюй.

Та фыркнула.

– Достаточно просто не показываться на глаза великому и опасному главе. Змееныш клыки не отрастил, чтобы меня выставить.

Умэй не стала оспаривать ее заблуждение, но в душе закатила глаза.

Ей не давал покоя вопрос, чем так сильно не угодила Чжэнь Бэйюй Зеленому змею. И у него, и у Цинхэ, да и у самой Умэй был повод недолюбливать ее. Но Лю Шэ ненавидел настоящего. Умэй не могла найти в своих воспоминаниях объяснение этому.

Весь вечер она прождала Су Минъяня, как женошка своего благоверного с полевых работ. Не дождавшись, она заглянула к Цинхэ. Он зажигал свечи, и удивился, увидев ее.

– Что-то произошло за то время, что меня не было? – спросила Умэй, когда они сели за стол и разделили лапшу с говяжьими ребрышками.

– Это произошло уже очень давно. Зеленый змей уничтожил Дворец Ваньцзянь⁴⁹.

Лю Шэ уничтожил самый могущественный Дворец в Тянься, за которым стоял сам император. Владыка Поднебесной пригрозил этот Дворец в столице, под своим крылом, и Дворец Ваньцзянь платил ему бесконечной преданностью. Новость, что Зеленый змей из Дворца Цзяня, на который вся знать империи косилась с неодобрением и плохо скрываемым презрением была шокирующей, и Умэй едва сдержала удивленное восклицание. Если она жила в столице, как думает Цинхэ, должна об этом знать. Поэтому Умэй спокойно кивнула, приглашая рассказывать дальше.

– Многие думали, зачем ему это понадобилось. Ходили слухи, что родители господина Лю были убиты главой Ваньцзянь. Это всего лишь слухи, но правды никто не знает до сих пор. Вот и вся история. Пять лет назад... во Дворце Уфэн дела шли совсем тяжело. Я приехал в Лоян разыскать тебя. – рука Умэй невольно дрогнула, но она быстро напустила на себя невозмутимый вид. – Прости, я знаю, что это было трусливо и малодушно, но я не знал, что мне делать. Тогда я встретил Бэйюй. Она сбежала из Ваньцзянь. Господин Лю тогда взял управление Дворцом на себя. Говорили, что он убил главу Ваньцзянь... я не знаю, правда ли, не хочу сплетничать, ведь он твой друг. После этого Дворец постепенно разваливался, а всех адептов, служивших старому главе, безжалостно преследовали. Как только я узнал об этом, я не мог оставить Бэйюй. Мне пришлось покинуть столицу, так и не увидевшись с тобой, но нужно было бежать как можно скорее, я не мог оставить ее. Я знаю, ты не любишь ее, и мне было очень стыдно приводить ее в твой дом. Но я не мог ее бросить. Я видел, как их вешают, хватают прямо посреди улицы и волокут куда-то, обезглавливают, избивают. Я не мог... Не подумай, что Бэйюй ничего не сделала для Уфэн! Сбежав из Ваньцзянь, она украла – да, украла, но иначе было нельзя, не смотри так, Умэй – несколько драгоценностей. Когда у Дворца Уфэн совсем не хватало денег, она продавала их и отдавала мне. Она не должна была, ведь это ее деньги, но она отдавала их!

⁴⁹ ## – «десять тысяч мечей»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.